

Деловая этика иммигрантов и аккультурация. Кросс-культурное исследование в трёх странах: Израиль, Казахстан и Узбекистан

אתיקה עסקית של מהגרים ואקולטורציה שלהם.

מחקר בין-תרבותי בשלוש מדינות: ישראל, קזחסטן ואוזבקיסטן

Business ethics of immigrants and their acculturation. A cross-cultural study in three countries: Israel, Kazakhstan and Uzbekistan

Иммигранттардың бизнес этикасы және олардың аккультурациясы. Үш елдегі мәдениетаралық зерттеу: Израиль, Қазақстан және Өзбекстан

Иммигрантларнинг бизнес этикаси ва уларнинг аккультурацияси. Урта давлатда маданиятлараро тадқиқот: Исроил, Қозоғистон ва Ўзбекистон

Нонна Кушнирович

Ардак Тургинбаева

Хуршида Устаджалилова

Константин Пахалюк

При финансовой поддержке Министерства регионального сотрудничества Израиля

Институт иммиграции и социальной интеграции

Академический центр Руппина

Эмек Хэфер

2025

Содержание

Введение	3
Методология	5
<i>Сбор данных</i>	<i>5</i>
<i>Характеристика респондентов.....</i>	<i>5</i>
Результаты	17
<i>Восприятие деловой этики</i>	<i>17</i>
<i>Индекс неэтичных бизнес-убеждений и аккультурация деловой этики иммигрантов</i>	<i>25</i>
<i>Уклонение от налогов: местное население vs. иммигранты</i>	<i>27</i>
<i>Потребление новостей о коррупции</i>	<i>36</i>
Заключение	39
Список литературы.....	40

Предисловие

Это исследование появилось благодаря сотрудничеству и поддержке множества людей и организаций в Израиле, Казахстане и Узбекистане.

Прежде всего, мы выражаем благодарность Министерству регионального сотрудничества Израиля за финансирование данного исследования и за признание важности таких тем, как деловая этика иммигрантов и их аккультурации.

Мы глубоко признательны нашим партнёрам в Казахстане и Узбекистане за их бесценное сотрудничество, руководство и преданность проекту на протяжении всей его реализации.

Особую благодарность мы выражаем всем участникам опроса. Без их открытости и готовности поделиться своими взглядами и опытом это исследование было бы невозможно.

Мы надеемся, что результаты этого исследования помогут лучше понять, как иммигранты адаптируются к этическим нормам принимающего общества, и послужат основой для разработки политики, способствующей как социальной интеграции, так и укреплению этических и гражданских ценностей.

Кушнирович Н., Тургынбаева А., Устаджалилова, Х., Пахалюк К. Деловая этика иммигрантов и их аккультурация. Кросс-культурное исследование в трёх странах: Израиле, Казахстане и Узбекистане: Исследовательский отчёт. Эмек-Хефер: Академический центр Руппин; Институт иммиграции и социальной интеграции, 2025. 41 с.

Введение

Культура играет ключевую роль в формировании представлений и этических установок человека, при этом представления о деловой этике значительно отличаются в зависимости от культурного контекста (Ahmed и др., 2003; Belk и др., 2005; Christie и др., 2003; Donaldson & Dunfee, 1994; Lim, 2001; Phau & Kea, 2007). Культурное влияние особенно заметно среди иммигрантов, которые приносят в страны пребывания этические убеждения и деловые нормы стран происхождения, что изменяет экономические и социальные практики в странах-реципиентах. Иммигранты из стран с низким уровнем деловой этики и высоким уровнем коррупции могут перенести снисходительное отношение к неэтичному поведению, оказывая тем самым негативное влияние на местные деловые практики. Напротив, иммигранты из стран с низким уровнем коррупции, прозрачными нормами ведения бизнеса и склонностью к соблюдению законов могут внести положительный вклад в повышение этических стандартов в стране пребывания.

Со временем иммигранты проходят процесс аккультурации, который определяется как усвоение и принятие культурных моделей поведения, установок и ценностей страны пребывания, отличающихся от норм страны происхождения (Lee, 1981). Согласно модели социолога Берри, аккультурация — это не односторонний процесс адаптации недоминирующей группы к доминирующей, а взаимный процесс, формирующий как большинство, так и меньшинство в условиях культурного контакта (Berry, 2003). Иммигранты могут сочетать сохранение культурных ценностей своей родины с адаптацией к местным деловым практикам, что приводит к трансформации этических взглядов или даже к возникновению гибридных подходов, объединяющих обе системы ценностей (Jaffe и др., 2018).

В последние годы усилилась новая волна миграции из стран бывшего Советского Союза, особенно после начала войны между Россией и Украиной. Украинцев принимали в европейских странах ввиду наличия у них статуса коллективной защиты, в то время как у россиян, стремящихся избежать политики правительства, было меньше таких возможностей. Многие из них переехали в другие постсоветские государства с безвизовым въездом, включая Казахстан и Узбекистан — страны с тесными культурными и языковыми связями с Россией. Согласно опросу Министерства науки и

высшего образования Казахстана 2021 года, 19,7% населения идентифицировали себя как этнические русские, а 94,4% сообщили, что говорят на русском языке (Koptleuova и др., 2023). В Узбекистане почти 3 000 иммигрантов из стран бывшего СССР подали заявки на постоянное жительство в 2023 году, причём россияне составили крупнейшую группу (Statistics Agency of Uzbekistan, 2023). Некоторые иммигранты из России, подходящие под израильский Закон о возвращении, решили переехать в Израиль. В 2022 году в Израиль прибыли 43 594 россиянина — это в 5,7 раза больше, чем в 2021 году, и такая тенденция продолжилась в первой половине 2023 года. Иммиграция украинцев также резко возросла: 15 073 прибытия в 2022 году по сравнению с 3 109 в 2021 году (Ministry of Aliyah and Integration of Israel, 2023). Таким образом, Израиль, Казахстан и Узбекистан недавно приняли значительное количество иммигрантов из схожих регионов. Многие из вновь прибывших, будь то в Израиле или в Центральной Азии, демонстрируют стремление открывать собственный бизнес, что делает вопрос их деловой этики особенно актуальным. Массовый приезд иммигрантов и их участие в экономике стран пребывания — в роли предпринимателей, поставщиков, клиентов или сотрудников — может повлиять на местную деловую этику через «импорт» норм из стран происхождения.

Большинство существующих исследований аккультурации иммигрантов рассматривают выходцев из бывшего Советского Союза как однородную группу, не различая страны происхождения. Исследования, касающиеся этических установок, ограничены узкими аспектами, такими как взяточничество (Leshem & Ne'eman-Haviv, 2013) или организационная этика (Jaffe и др., 2018), и не рассматривают деловую этику как целостное явление. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел и способствовать более глубокому пониманию взаимосвязи между миграцией, аккультурацией и деловой этикой.

Целью данного исследования было изучение деловой этики и отношения к уклонению от уплаты налогов среди иммигрантов из стран бывшего Советского Союза в трёх странах — Израиле, Казахстане и Узбекистане — в сравнении с коренным населением этих стран.

Методология

Сбор данных

Данные для исследования были собраны с помощью онлайн-опроса, проведённого в трёх странах: Израиле, Казахстане и Узбекистане. Целевую группу составляли лица трудоспособного возраста, включая иммигрантов из стран бывшего Советского Союза и местное население во всех трёх странах. Мы использовали комбинированный метод выборки — метод удобной выборки и метод «снежного кома», соблюдая репрезентативность по гендерному признаку и географическому распределению респондентов в пределах каждой страны.

Анкета включала вопросы, касающиеся восприятия и убеждений в области деловой этики, отношения к уплате налогов, а также социально-демографических и экономических характеристик респондентов. Для иммигрантов были предусмотрены дополнительные вопросы, такие как причины миграции или аспекты, связанные с аккультурацией в странах пребывания (язык, используемый для чтения/просмотра новостей, основной язык общения в семье и т. д.). Чтобы оценить, как деловая этика изменяется в зависимости от продолжительности проживания в стране, мы установили квоту: как минимум 20% выборки в каждой стране должны были составлять иммигранты, прибывшие в течение последних пяти лет.

Вопросы, касающиеся уклонения от уплаты налогов, могли оказаться слишком чувствительными для респондентов, поэтому в анкете мы не спрашивали их напрямую о том, соблюдают ли они сами нормы деловой и налоговой этики. Вместо этого анкета была сосредоточена на выявлении общих взглядов и установок по отношению к этическим нормам, включая соблюдение или уклонение от уплаты налогов, без ссылки на личное поведение. Собранная база данных не содержит номеров телефонов, адресов электронной почты и другой информации, позволяющей установить личность участников, что позволяет обеспечить анонимность. Опрос включал получение информированного согласия от респондентов. Исследование одобрено Комитетом по этике Академического центра Руппин (разрешение № 249 от 26.12.2024).

Характеристика респондентов

Общая выборка составила 1352 респондента, включая 600 опрошенных в Израиле (345 уроженцев Израиля и 255 иммигрантов из стран бывшего Советского Союза), 400 в Казахстане (272 уроженца Казахстана и 128 иммигрантов из стран бывшего СССР) и 352

респондента в Узбекистане (251 уроженец Узбекистана и 101 иммигрант из стран бывшего СССР).

Социально-демографические и экономические характеристики респондентов представлены в Таблице 1. Участники из Израиля и Узбекистана были старше, чем респонденты из Казахстана (средний возраст: 37,7 года для уроженцев и 41,8 года для иммигрантов в Израиле; 36,0 и 40,7 года – в Узбекистане; и соответственно 26,7 и 32,5 года – в Казахстане). Распределение по гендерной принадлежности оказалось относительно равным во всех группах, с небольшим преобладанием женщин среди уроженцев Узбекистана и иммигрантов в Израиле, а также с незначительным преобладанием мужчин среди иммигрантов в Узбекистане и Казахстане. Это отражает реальную ситуацию в указанных странах, поскольку многие молодые мужчины покинули Россию и иммигрировали туда после начала войны в 2022 году.

Таблица 1. Демографические и социально-экономические характеристики выборки

Показатели	Израиль		Узбекистан		Казахстан	
	Рожденные в Израиле	Иммигранты в Израиле	Рожденные в Узбекистане	Иммигранты в Узбекистане	Рожденные в Казахстане	Иммигранты в Казахстане
Гендер, мужчины %	55%	40%	44%	57%	47%	58%
Возраст, среднее значение	37.7 (11.4)	41.8 (9.3)	36.0 (11.4)	40.7 (12.1)	26.7 (10.1)	32.5 (10.1)
В браке, %	57%	72%	75%	78%	22%	56%
Количество детей, среднее значение	1.19	1.20	1.36	2.09	1.23	1.26
Образование, %	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Неоконченное среднее образование	3.5	2.0	1.6	5.9	4.0	0.0
Среднее образование	30.4	12.2	7.2	5.9	33.8	5.5
Профессиональное образование	21.7	19.2	22.7	24.8	15.8	21.1
Степень бакалавра	35.1	34.9	45.0	28.7	23.5	24.2
Степень магистра	8.7	24.3	16.3	24.8	12.1	34.4
Степень кандидата наук или выше	0.6	7.5	7.2	9.9	10.7	14.8
Религия, %	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Иудаизм	74.5	57.6	-	-	0.7	4.7
Христианство	4.9	2.4	4.0	16.8	11.0	14.1

Ислам	17.1	-	93.6	76.2	73.5	49.2
Атеизм/Нет ответа	0.6	40.0	1.6	1.0	9.9	16.4
Другое	2.9	0.0%	0.8	5.9	4.8%	15.6
Религиозность (для тех, кто указал религиозную принадлежность), шкала 1–4, среднее значение	1.57 (0.73)	1.30 (0.56)	2.30 (0.56)	2.11 (0.47)	2.16 (0.64)	2.32 (0.92)
Занятость, %	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Наемные работники	72.2	74.5	21.5	44.6%	26.5	53.9
Владельцы бизнеса или самозанятые	5.8	11.8	14.7	16.8	2.9	7.0
Незанятые	20.9	11	47.0	27.8	65.1	29.8
Работают удаленно (% от тех, кто трудоустроен)	9.3%	19.2%	23.1%	61.4%	6.6%	15.6%
Доход, шкала 1–5, Среднее значение	2.33 (1.18)	2.67 (1.30)	2.67 (1.28)	3.34 (1.33)	2.32 (1.23)	2.83 (1.07)
Количество респондентов	345	255	251	101	272	128

В Израиле уровень образования среди иммигрантов выше, чем среди его уроженцев: 59,2% имеют степени бакалавра и магистра по сравнению с 43,8% среди местного населения. Что касается религиозной принадлежности, 74,5% уроженцев Израиля идентифицируют себя как иудеи, в то время как среди иммигрантов их процент ниже (57,6%), а 40% назвали себя атеистами или отказались отвечать. Важно отметить, что миграция в Израиль имеет этнический характер. Согласно закону, только евреи (до третьего поколения включительно) или члены их семей имеют право мигрировать и получить израильское гражданство. Те, кто не имеет права на получение гражданства, могут въехать в страну временно — как туристы, трудовые иммигранты или соискатели убежища. Однако ожидается, что они выедут по окончании разрешённого срока пребывания, а продление виз может быть весьма затруднительным. Единственным исключением стали иммигранты из Украины, прибывшие после февраля 2022 года: они получили статус групповой защиты, и их визы автоматически продлеваются. В данной выборке мы опрашивали только тех, кто имеет право на постоянное пребывание в Израиле.

Уровень религиозности немного ниже среди иммигрантов (0,725 у уроженцев Израиля против 0,563 у иммигрантов). Иммигранты в Израиле чаще являются владельцами бизнеса, чем местное население (11,8% vs 5,8%), а также чаще работают дистанционно (19,2% vs 9,3%). Характеристики выборки в Израиле соответствуют национальной статистике по иммигрантам и коренному населению.

Среди респондентов из Узбекистана иммигранты чаще имеют диплом магистра (24,8% vs. 16,3%) или научную степени (9,9% vs. 7,2%), в то время как уроженцы страны в большей степени ограничивались только окончанием бакалавриата (45,0% vs. 28,7%). Ислам преобладает в обеих группах, но более распространён среди местного населения (93,6% vs. 76,2%), тогда как иммигранты отличаются большим религиозным разнообразием и относительно более высокой степенью религиозности (2,11 vs. 2,30). Различия в занятости также заметны: только 21,5% уроженцев Узбекистана являются наёмными работниками по сравнению с 44,6% среди иммигрантов; доля владельцев бизнеса также выше среди приехавших (16,8% vs. 14,7%). Последние более склонны работать удаленно, нежели местные жители (61,4% vs. 23,1%).

В Казахстане уровень образования среди иммигрантов выше: большее количество респондентов окончили магистратуру (34,4% vs. 12,1%) или обладают научной степенью (14,8% vs. 10,7%), тогда как местные жители чаще имеют лишь аттестат о среднем образовании (33,8% против 5,5%). Ислам является доминирующей религией в обеих группах, но менее распространён среди иммигрантов (49,2% vs. 73,5%), среди которых, однако, больше представителей христианства и атеистов. Равным образом приезжие декларируют больший уровень религиозности (2,32 vs. 2,16). Различия в занятости также значительны: лишь 26,5% уроженцев Казахстана являются наёмными работниками по сравнению с 53,9% среди иммигрантов, тогда как доля неработающих значительно выше среди коренного населения (65,1% vs. 29,8%), в основном из-за того, что многие из них студенты вузов. Доля владельцев бизнеса также немного выше среди иммигрантов (7,0% vs. 2,9%).

В целом, иммигранты из стран бывшего Советского Союза имеют более высокий уровень образования по сравнению с местным населением. Они чаще основывают собственный бизнес, работают по найму или удаленно. Последнее особенно характерно для иммигрантов в Узбекистане. Религиозная принадлежность приехавших отличалась большим разнообразием, и они, как правило, демонстрируют более низкий уровень

религиозности по сравнению с местным населением, что, возможно, отражает более секулярный характер социализации в странах происхождения.

Всего наша выборка включает 484 иммигранта из стран бывшего Советского Союза. Распределение по странам происхождения представлено на Графике 1. В Израиле наибольшая доля иммигрантов приехала из России (44,7%) и Украины (27,8%), за ними следует Беларусь (9,0%). В Узбекистане иммигранты гораздо более регионально сконцентрированы, значительные доли составляют выходцы из Таджикистана (27,7%), России (27,7%) и Кыргызстана (20,8%), также заметное количество приехало из Казахстана (14,9%). Миграционный профиль Казахстана в основном представлен выходцами из Узбекистана (30,5%) и России (20,3%), с меньшими, но значимыми долями приехавших из Кыргызстана (8,6%), Беларуси (4,7%) и других стран (14,1%). Россия является общей страной происхождения для всех трёх стран, входя в число главных источников миграции, а Украина также заметно представлена среди иммигрантов в Израиле и, в некоторой степени, в Казахстане.

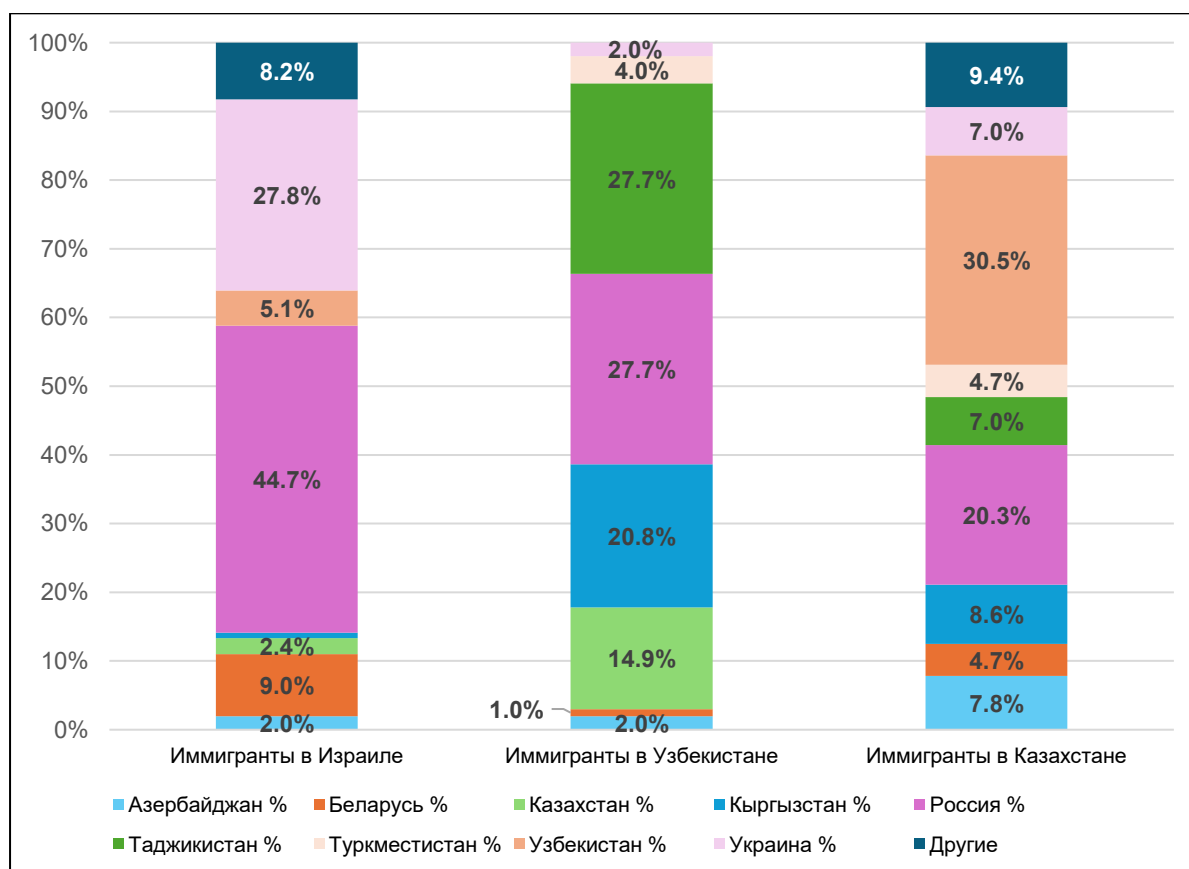

График 1. Распределение постсоветских иммигрантов по стране происхождения

Продолжительность пребывания иммигрантов значительно различается в трёх странах-реципиентах (см. Таблицу 2). В Израиле большинство иммигрантов (65,1%) проживают в стране более 20 лет, что свидетельствует о давно сформировавшемся иммигрантском населении. Лишь 24,7% прибыли в течение последних пяти лет, а ещё меньшая доля (10,2%) живёт в стране от шести до двадцати лет. Напротив, в Узбекистане и Казахстане иммигранты прибыли относительно недавно. В Узбекистане почти половина (44,6%) находятся в стране менее пяти лет, ещё 31,7% — от шести до двадцати лет, и только 23,8% проживают здесь более двух десятилетий. В Казахстане наблюдается аналогичная картина: 46,9% — недавние приезжие (менее пяти лет), 23,4% проживают от шести до двадцати лет, а 29,7% находятся в стране более двадцати лет.

Таблица 2. Длительность пребывания иммигрантов

	Иммигранты в Израиле, N = 255	Иммигранты в Узбекистане, N = 101	Иммигранты в Казахстане, N= 128	Всего N = 484
Длительность пребывания в стране, %	100%	100%	100%	100%
5 лет и меньше	24,7%	44,6%	46,9%	34,7%
6–20 лет	10,2%	31,7%	23,4%	18,2%
Более 20 лет	65,1%	23,8%	29,7%	47,1%
Наличие гражданства принимающей страны, %	98,8%	17,8%	49,2%	88,1%

В Израиле почти все иммигранты (98,8%) имеют гражданство, что соответствует высокой доле долгосрочно проживающих. В отличие от этого, в Узбекистане лишь 17,8% получили гражданство, а в Казахстане — чуть менее половины (49,2%). Значительное число иммигрантов, прибывших в последние годы, частично объясняется полномасштабной войной России против Украины, начавшейся в феврале 2022 года. Вместе с тем интервьюерам было дано указание следить за тем, чтобы доля иммигрантов, прибывших за последние 5 лет, составляла не менее 20% выборки.

Причины миграции представлены на Графике 2. Основную часть иммигрантов в Израиль (41,2%) составляют те, кто был привезён в страну в детском возрасте, в то время как почти половина иммигрантов в Узбекистан (50,5%) прибыла по деловым причинам. Последнее также является основной причиной переезда для относительного

большинства переехавших в Казахстан (25,0%), но это касается лишь 0,8% «новых» израильтян. Среди последних также выделяются две значительные группы — те, кто хотел мигрировать именно в Израиль (19,6%), и те, кто переехал из-за войны между Украиной и Россией (18,0%). В Узбекистане второй по численности группой иммигрантов были те, кто приехал на учёбу (13,9%), а самой крупной — те, кто прибыл ради работы или ведения бизнеса (50,5%).

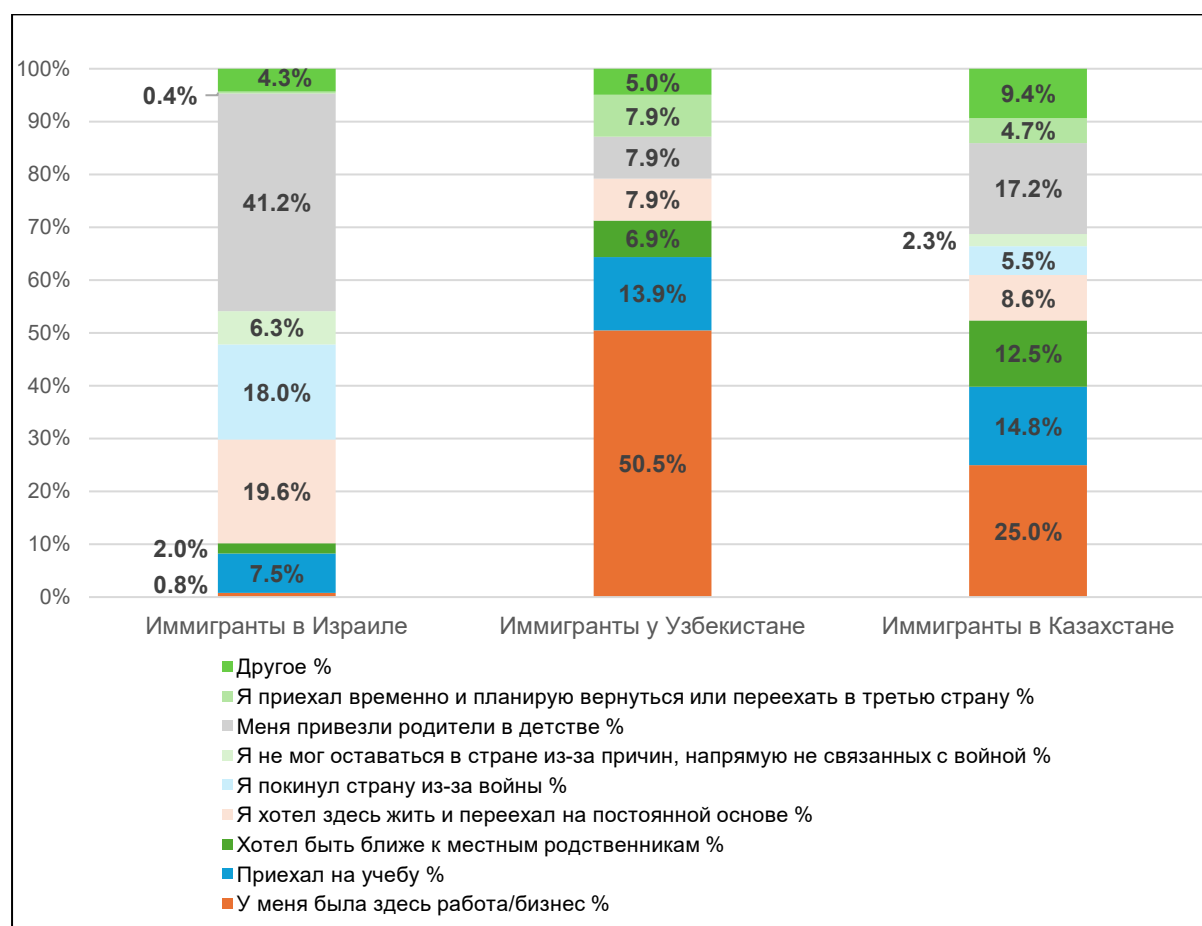

График 2. Причины иммиграции

Некоторые миноритарные категории причин миграции проливают свет на индивидуальные или переходные стратегии миграции. Например, в Узбекистане почти 8% приехавших заявили, что прибыли временно и планируют либо вернуться в страну происхождения, либо переехать в другое место. В Казахстане эта доля ниже (4,7%), а в Израиле практически незначительна (0,4%). Ещё один примечательный аспект — значимость миграции, обусловленной получением образования, как в Узбекистане (13,9%), так и в Казахстане (14,8%). Это отражает роль этих стран как региональных образовательных центров, привлекающих студентов из соседних государств, что часто

приводит к последующему трудоустройству и интеграции. В отличие от этого, доля иммигрантов, приехавших в Израиль для получения образования, сравнительно невелика (7,5%), что соответствует общей тенденции: миграция в Израиль определяется историческими, семейными и политическими факторами, а не академической мобильностью. Это расхождение подчёркивает различные функции, которые каждая из стран выполняет в региональных и глобальных миграционных системах.

Идентификация с принимающей страной представлена на Графике 3. Иммигранты в Узбекистане реже ощущали принадлежность к принимающей стране и чувствовали себя «дома» по сравнению с иммигрантами в Израиле и Казахстане. В то же время израильские иммигранты проявляли наименьшее стремление сохранять идентичность со страной происхождения по сравнению с другими группами.

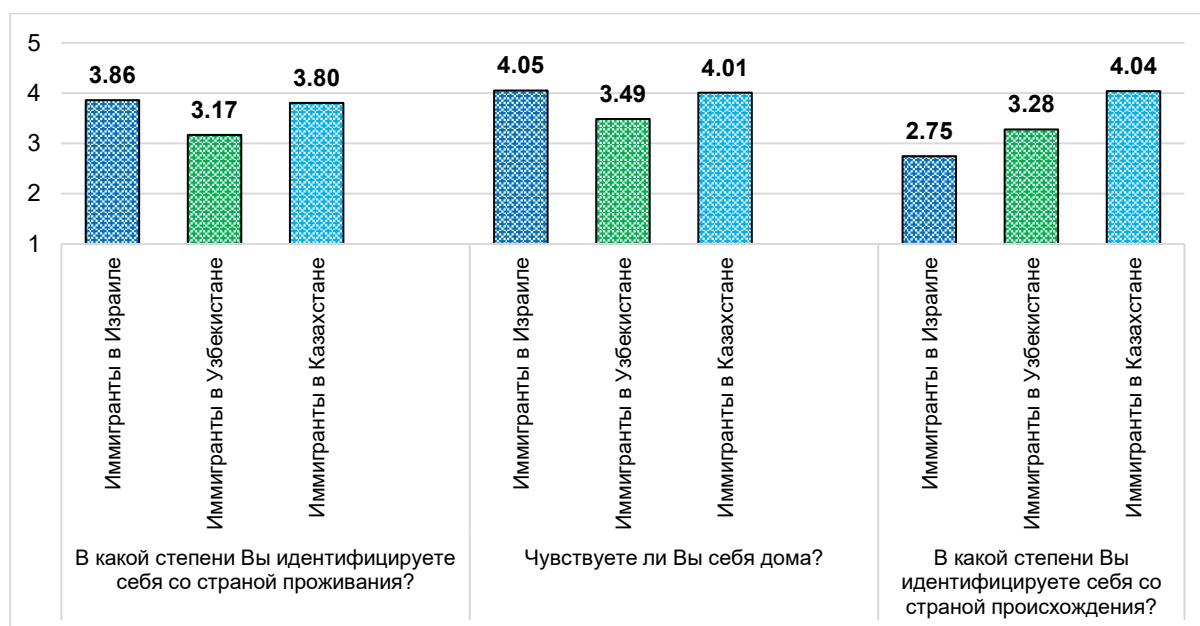

График 3. Идентификация со страной происхождения (шкала 1–5)

Иммигранты в Израиле заявляли о более высоком уровне владения языком принимающей страны по сравнению с иммигрантами в Узбекистане, а особенно — в Казахстане (см. График 4). Иммигранты в Узбекистане стабильно занимают промежуточное положение по степени владения разными языковыми компетенциями. Кроме того, относительно низкие показатели навыков письма и чтения в Казахстане и Узбекистане (по сравнению с навыками устной речи и понимания на слух) могут

свидетельствовать об ограниченной необходимости или возможности использовать язык принимающей страны.

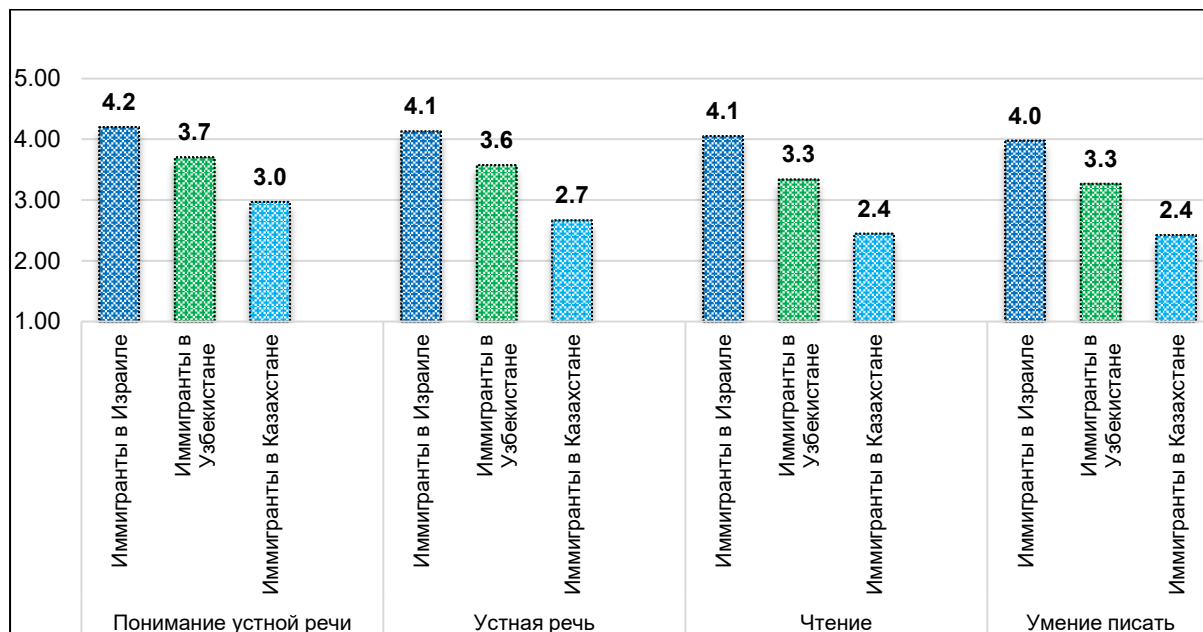
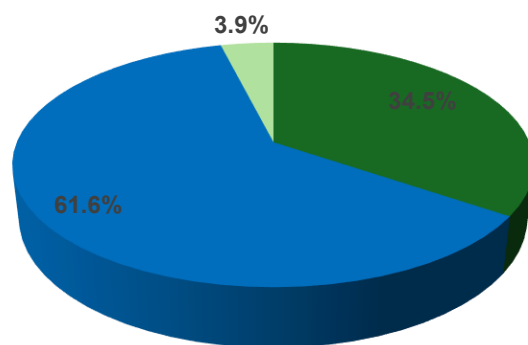

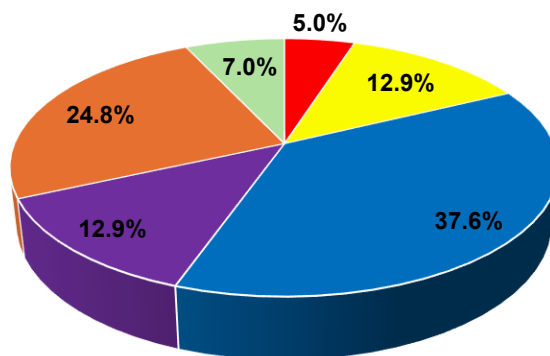
График 4. Компетенции в языке принимающей страны (шкала 1–5)

Русский язык наиболее предпочтителен для использования в домашнем кругу во всех странах (см. График 5): среди 61% иммигрантов в Израиле, 37,6% — в Узбекистане и 32% — в Казахстане. Узбекский язык занимает второе место по популярности среди иммигрантов в Казахстане и Узбекистане. Иммигранты в Казахстане демонстрировали наибольшее языковое разнообразие в семейно-бытовом общении. В Узбекистане и Казахстане также были заметны доли носителей некоторых центрально-азиатских языков, таких как киргизский (12,9% в Узбекистане) и казахский (6,3% в Казахстане). Интересно, что в Узбекистане также широко представлен таджикский язык (12,9%), наряду с узбекским. Языки, на которых говорили менее 3,5% респондентов, были объединены в категорию «Другие». В Израиле в эту категорию вошли четыре языка (азербайджанский, английский, киргизский и украинский); в Узбекистане — также четыре (английский, азербайджанский, туркменский и украинский); в Казахстане — шесть (английский, армянский, иврит, латышский, туркменский и эстонский).

Иммигранты в Израиле

Иммигранты в Узбекистане

Иммигранты в Казахстане

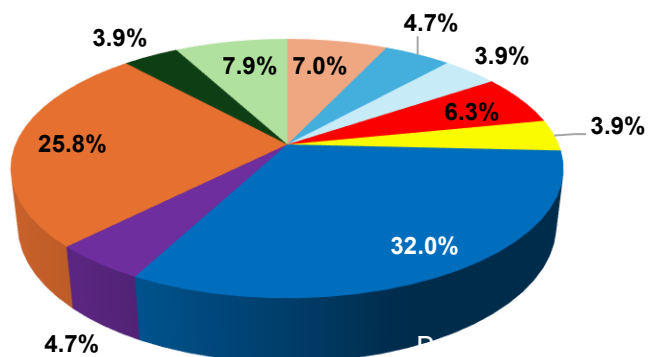

График 5. Предпочтительный язык для общения дома

Мы спросили всех иммигрантов, сталкивались ли они с дискриминацией в течение последнего года (График 6). В целом, во всех странах они сообщили о низком уровне дискриминации, однако различия оказались заметными: иммигранты в Израиле чаще чувствовали себя дискриминируемыми (1,58), чем в Казахстане (1,30) и Узбекистане (1,19). Более высокий уровень дискриминации в Израиле может частично отражать относительно более высокие ожидания иммигрантов-граждан страны. В Казахстане и особенно в Узбекистане более низкие показатели дискриминации могут объясняться языковой и культурной близостью между приехавшими и местным населением, а также распространённостью русского языка и общих региональных языков, которые облегчают повседневное общение. Большее разнообразие домашних языков в Казахстане может формировать более плюралистичную среду, но одновременно усиливать границы между группами. Кроме того, среди иммигрантов (см. Таблицу 1) наблюдается высокий уровень занятости, а в Узбекистане, в частности, – значительная доля заятых дистанционно. Удалённый формат снижает количество потенциально конфликтных офлайн-взаимодействий, где барьеры проявляются чаще. Это коррелирует с самым низким уровнем воспринимаемой дискриминации, зафиксированным среди иммигрантов в Узбекистане.

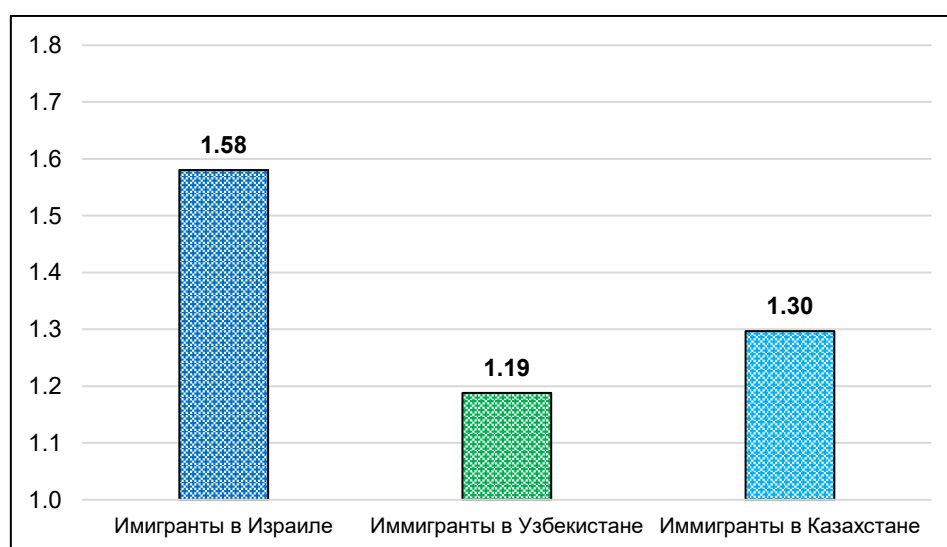

График 6. Восприятие дискриминации за последние 12 месяцев (шкала 1–5)

Результаты

Восприятие деловой этики

Для изучения представлений о деловой этике мы задали респондентам вопросы, касающиеся различных аспектов восприятия этики в бизнесе и организациях. Формулировки вопросов не относились к ситуации в стране проживания респондентов или в их текущей организации/компании, а были составлены применительно к гипотетической ситуации в любой стране и любой компании. Все вопросы оценивались по шкале от «1» = полностью не согласен до «5» = полностью согласен. В графиках данного раздела представлены доли респондентов в каждой группе, которые отметили, что они скорее согласны или полностью согласны с утверждениями о деловой этике. Для анализа различий между группами был применён критерий χ^2 (хи-квадрат).

Во всех странах иммигранты чаще, чем местные жители, считали, что успешные менеджеры ведут себя неэтично. На графике 7 показано, что иммигранты с большей вероятностью воспринимали успешных менеджеров как тех, кто скрывает информацию, способную нанести ущерб их интересам ($\chi^2 = 51,094$; $p < 0,001$). В Казахстане различие между респондентами, родившимися в стране, и иммигрантами было незначительным, но всё же присутствовало.

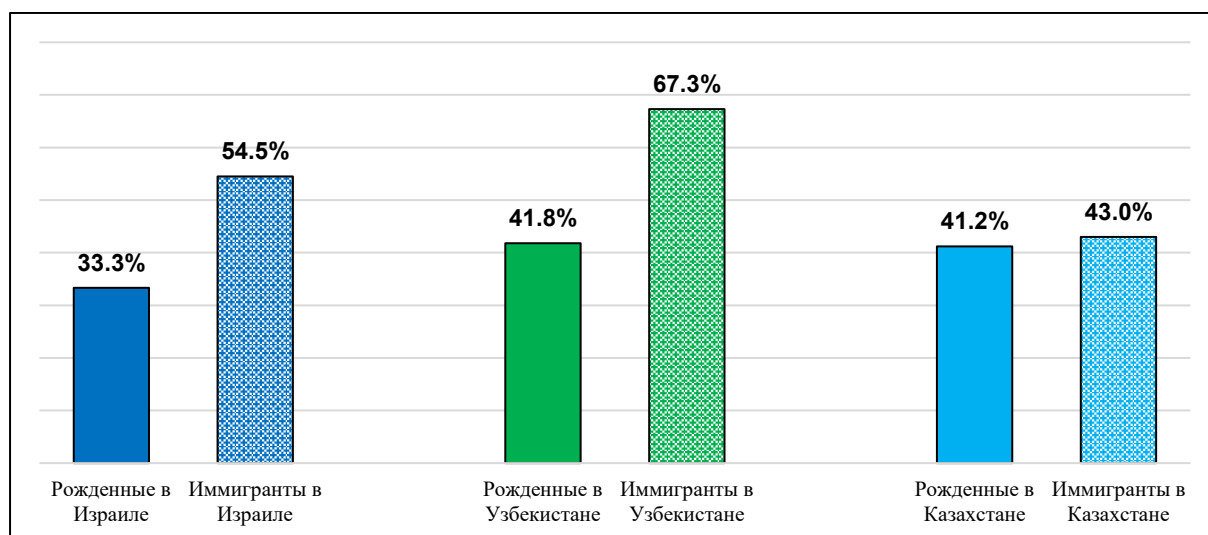

График 7. Процент респондентов, согласных с утверждением: «Успешные менеджеры в организациях/бизнесе скрывают информацию, которая может навредить их интересам».

Иммигранты чаще воспринимали успешных менеджеров как тех, кто перекладывает вину на других в ожидании возможной неудачи ($\chi^2 = 21.301$, $p < 0.001$) (см. график 8).

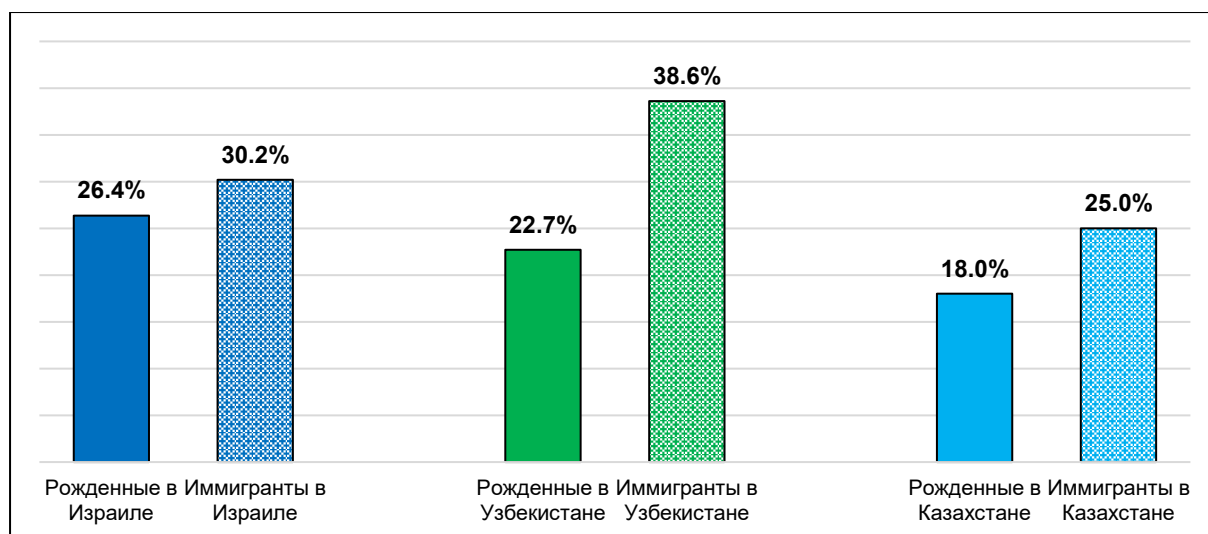

График 8. Процент респондентов, согласных с утверждением: «Успешные менеджеры в организациях находят “козла отпущения”, когда чувствуют, что могут потерпеть неудачу».

Иммигранты были более уверены, чем местные жители, в том, что успешные менеджеры строят свой успех, присваивая себе чужие заслуги ($\chi^2 = 13.676$, $p = 0.018$) (см. график 9).

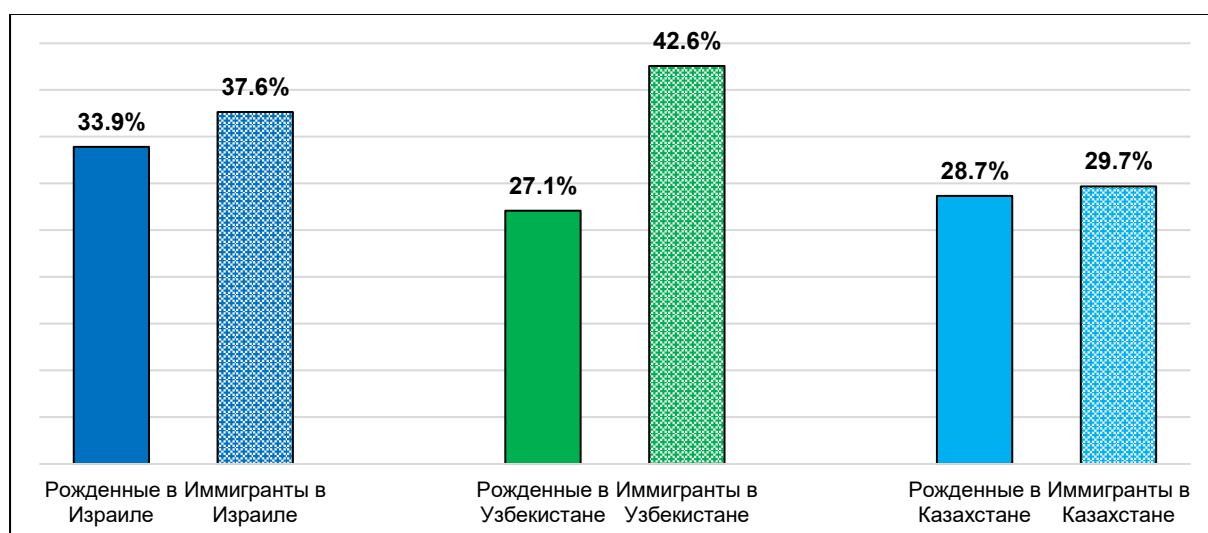

График 9. Процент респондентов, согласных с утверждением: «Успешные менеджеры в организациях приписывают себе идеи и достижения других сотрудников».

Иммигранты чаще сообщали, что для достижения успеха в роли менеджера необходимо подрывать репутацию конкурентов в глазах ключевых лиц, принимающих решения ($\chi^2 = 21.524$, $p = 0.001$) (см. график 10). Только в Израиле наблюдалась обратная тенденция: с этим утверждением согласилось меньшее количество иммигрантов (17,6%) по сравнению с уроженцами Израиля (25,8%).

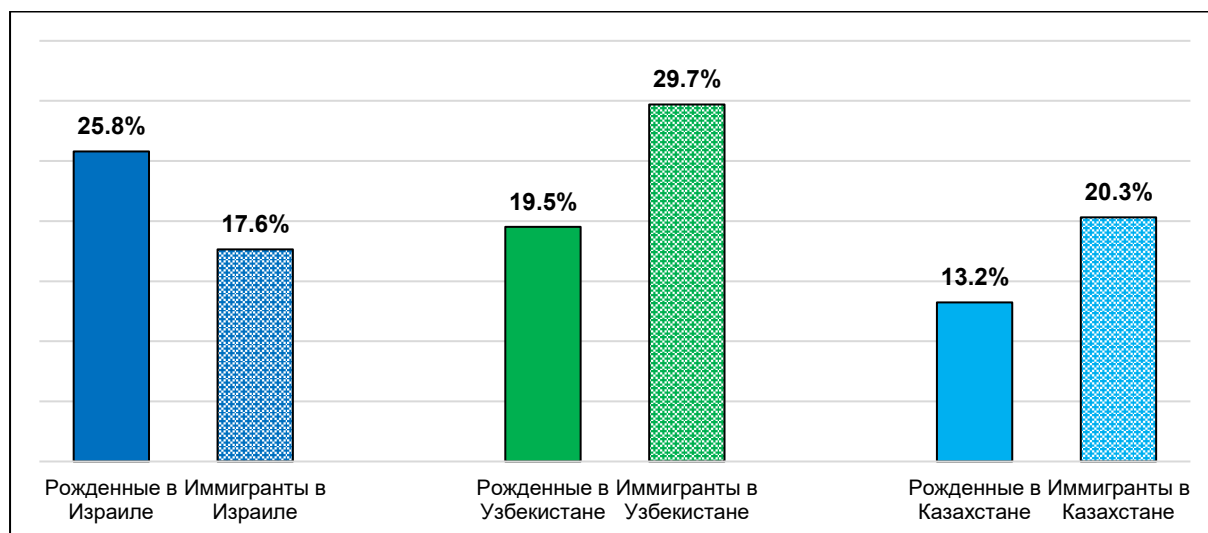

График 10. Процент респондентов, согласных с утверждением: «Чтобы быть успешным менеджером, необходимо выставлять конкурентов в неблагоприятном свете в глазах влиятельных людей».

Иммигранты в Узбекистане и Казахстане в большей степени поддерживали идею о том, что менеджерам не стоит заострять внимание на этических вопросах, тогда как в Израиле наблюдалась противоположная картина: только 11,8% иммигрантов против 22,3% уроженцев Израиля считают, что менеджерам не нужно задумываться об этике ($\chi^2 = 44.364$, $p < 0.001$) (см. график 11).

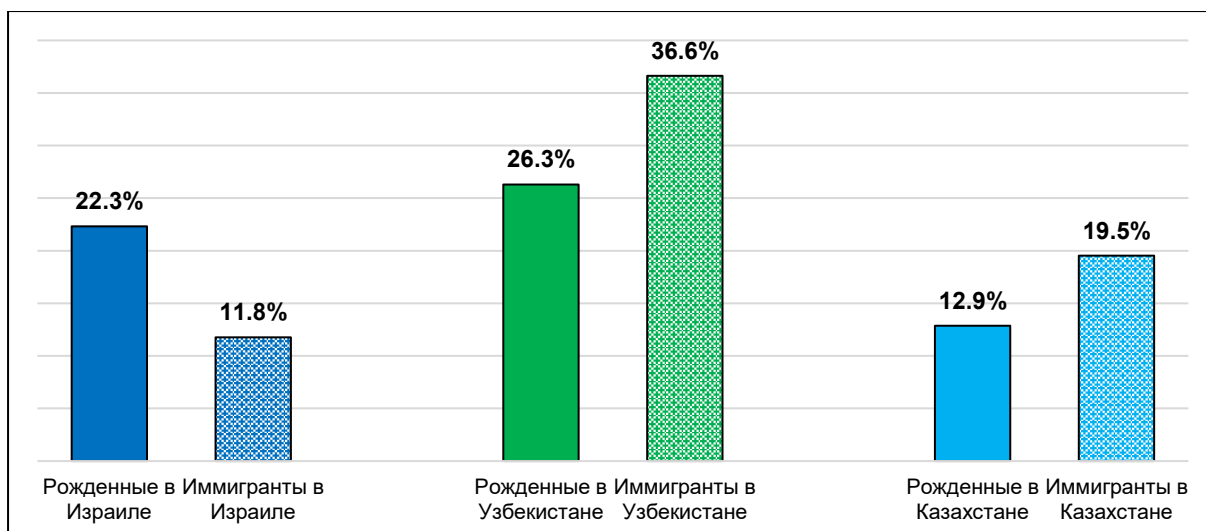

График 11. Процент респондентов, согласных с утверждением: «Менеджер не может позволить себе заикливаться на этических вопросах».

Иммигранты во всех странах значительно чаще, чем местные жители, связывали успех в работе или бизнесе с необходимостью идти на компромиссы в вопросах этики ($\chi^2 = 244.110$, $p < 0.001$) (см. график 12).

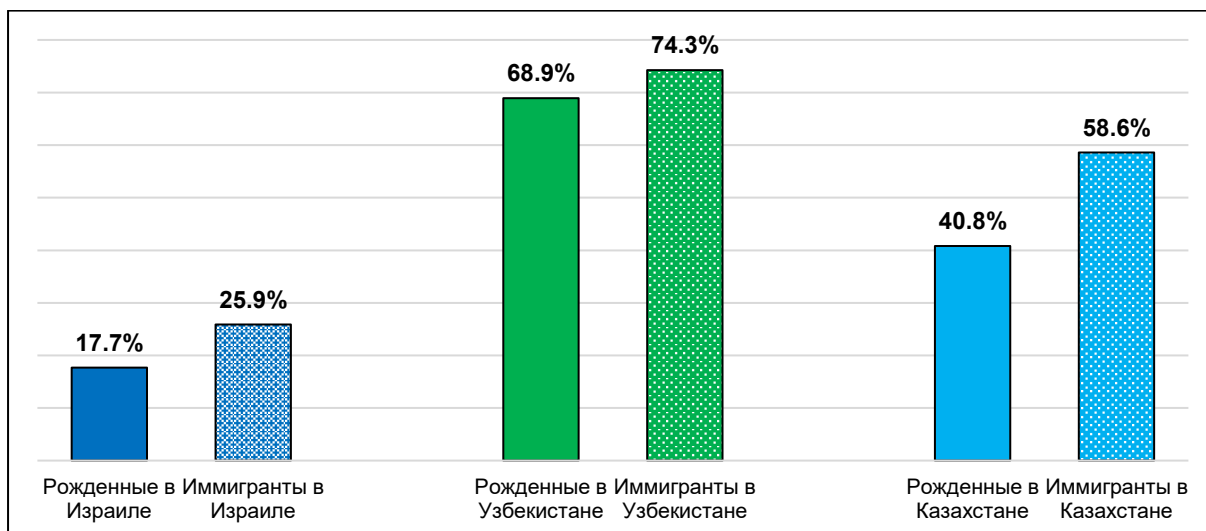

График 12. Процент респондентов, согласных с утверждением: «Чтобы добиться успеха в работе/бизнесе, необходимо идти на компромиссы в вопросах этики».

Похоже, прослеживается устойчивая закономерность в этических представлениях: иммигранты во всех трёх странах склонны проявлять больший скептицизм по отношению к управленческой этике, воспринимая успешных менеджеров

как более склонных скрывать информацию, перекладывать вину, присваивать себе чужие заслуги или подрывать репутацию конкурентов. Такое восприятие часто сопровождается убеждённой в том, что для достижения успеха необходимы этические компромиссы, особенно это ярко выражено среди иммигрантов из стран бывшего СССР в Узбекистане и Казахстане. В Израиле, согласно 4 из 6 утверждений, иммигранты также чаще, чем коренные жители, склонны игнорировать значимость этических аспектов в менеджменте.

Следующий блок вопросов был посвящён тому, как иммигранты и коренные жители соотносят этические нормы с личными и групповыми целями (компании, общества или государства). Во всех трёх странах иммигранты чаще, чем коренное население, отдавали приоритет интересам компаний по сравнению с интересами государства ($\chi^2 = 21.184$, $p = 0.001$) (см. график 13).

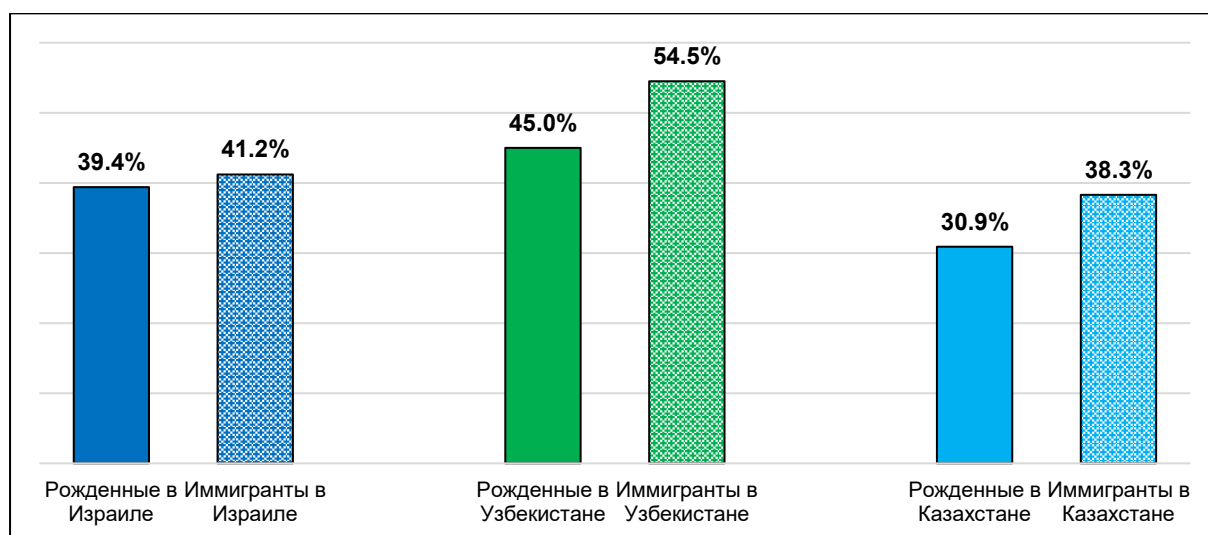

График 13. Процент респондентов, согласных с утверждением: «Решения руководителя должны основываться на благополучии его/её компании, а не на благополучии страны в целом»

Во всех странах немного менее половины опрошенных были склонны освобождать бизнес от ответственности за социальные проблемы (см. график 14). Хотя уровень поддержки этой идеи среди иммигрантов кажется немного выше, различия между иммигрантами и коренными жителями, а также между странами, оказались статистически незначимыми ($\chi^2 = 7.776$, $p = 0.169$).

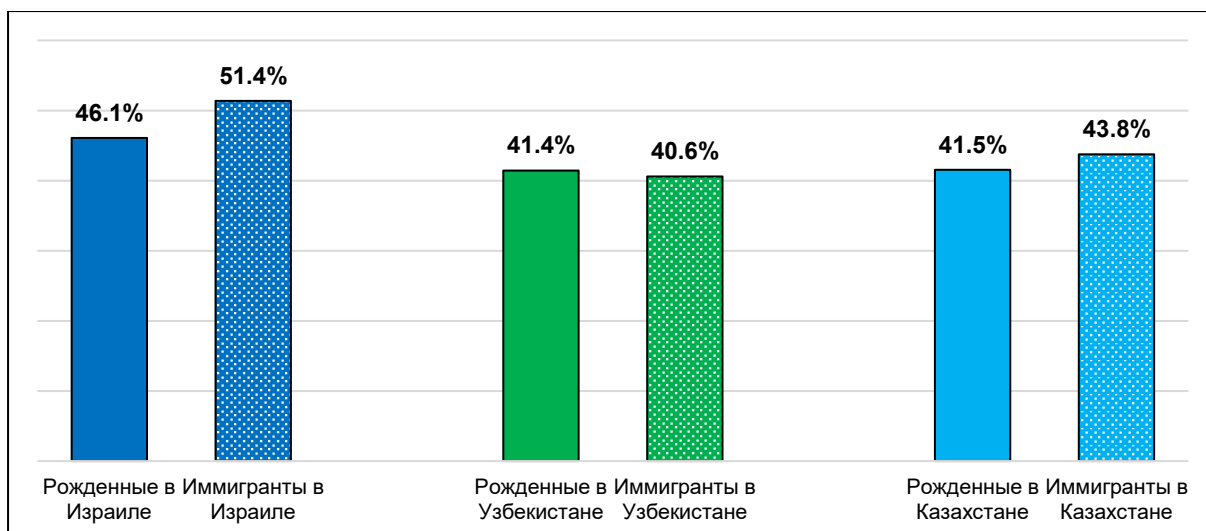

График 14. Процент респондентов, согласных с утверждением: «Решение социальных проблем (например, экологических) — это ответственность правительства, а не руководителей бизнеса»

Иммигранты в Израиле и Узбекистане не верят в альтруистическое поведение других людей и подозревают, что даже если оно выглядит таковым, на самом деле за ним стоит стремление к личной выгоде ($\chi^2 = 33.700$, $p < 0.001$). Только в Казахстане иммигранты выражают меньше подозрений и в большей степени верят в альтруистические мотивы других людей (см. график 15).

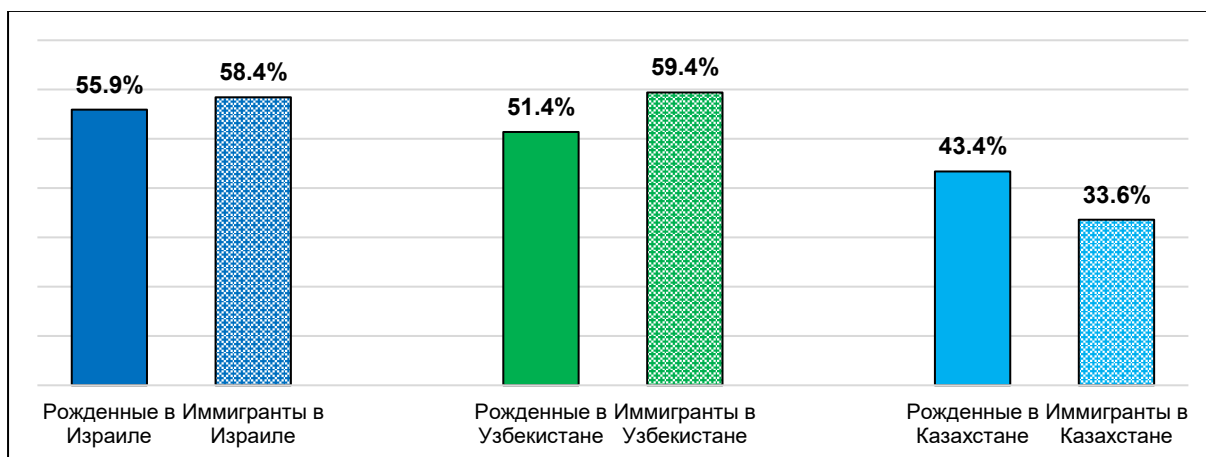

График 15. Процент респондентов, согласных с утверждением: «Чьи-то поступки могут казаться бескорыстными, но люди обычно действуют в своих собственных интересах»

Большее число иммигрантов в Узбекистане и Казахстане согласились с утверждением, что законность равнозначна этичности в бизнесе (см. график 16), по

сравнению с иммигрантами в Израиле ($\chi^2 = 47.102$, $p < 0.001$), а также с местным населением этих стран.

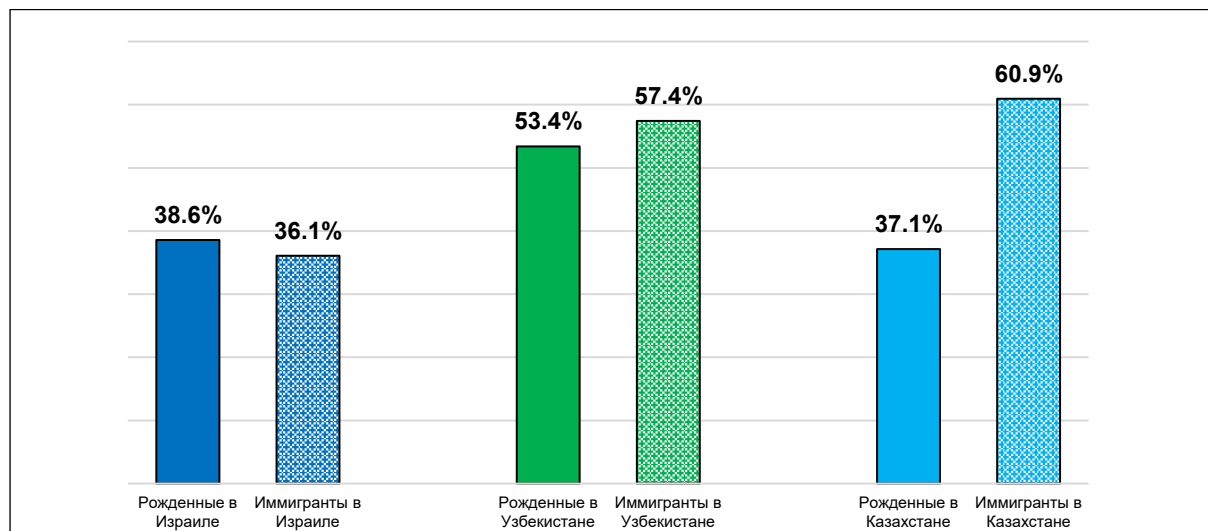

График 16. Процент респондентов, согласных с утверждением: «В бизнесе то, что законно, является и этически приемлемым»

В целом, за исключением отдельных случаев, иммигранты во всех трех странах чаще одобряют этически сомнительное поведение по сравнению с коренными жителями, а также в большей степени связывают успех в бизнесе с необходимостью идти на компромиссы в вопросах этики и отдают приоритет интересам компаний над национальными интересами.

В анкету также были включены два вопроса, касающиеся необходимости соблюдать этические нормы страны, в которой ведётся бизнес. Первый вопрос относился к гипотетической ситуации, когда иностранцы ведут бизнес в стране проживания респондентов, а второй — к гипотетической ситуации, когда сам респондент ведёт бизнес в другой стране (см. графики 17 и 18).

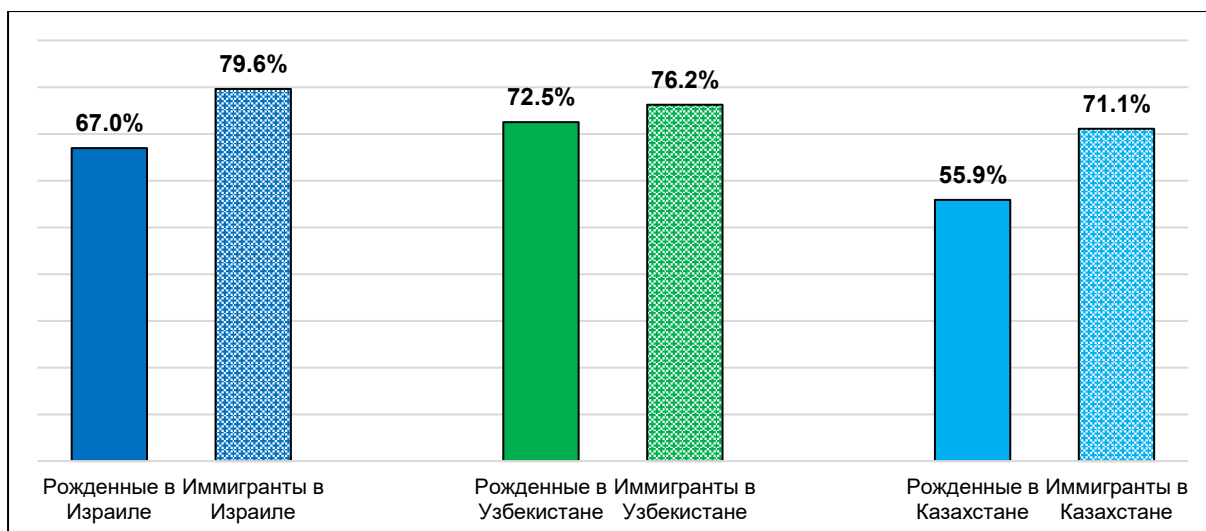

График 17. Процент респондентов, согласных с утверждением: «Когда иностранная компания работает в Израиле/Узбекистане/Казахстане, она должна соблюдать этические нормы, принятые в Израиле/Узбекистане/Казахстане»

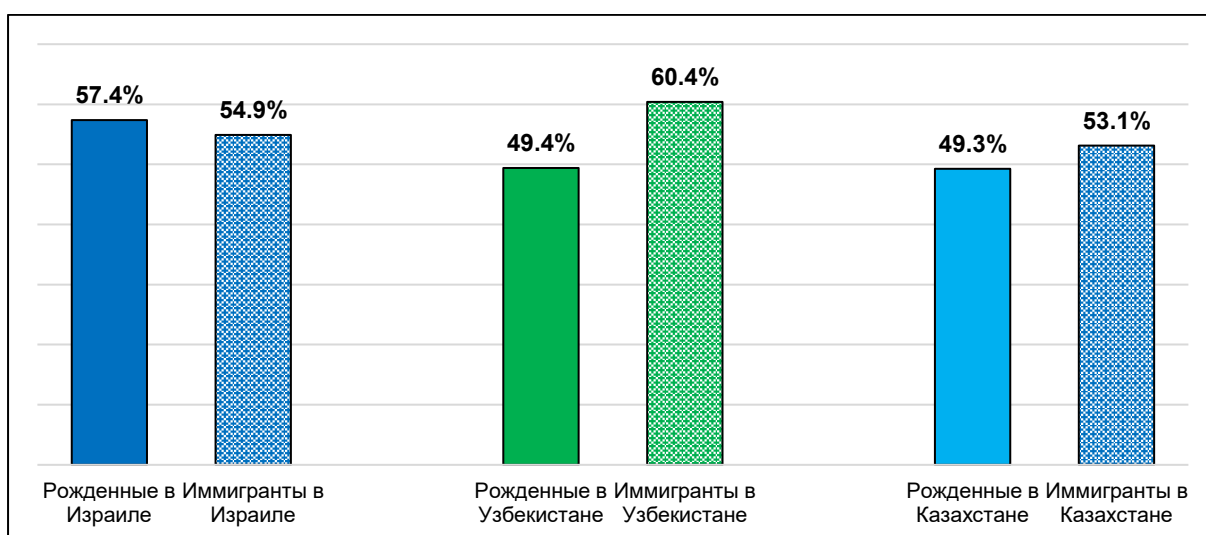

График 18. Процент респондентов, согласных с утверждением: «Когда компания, которую я представляю, ведёт бизнес в другой стране, она должна соблюдать местные этические нормы, даже если они не совпадают с моими собственными этическими убеждениями»

Удивительно, но требования придерживаться этических норм страны, в которой ведётся бизнес, оказались разными в зависимости от того, идёт ли речь о собственной стране проживания респондентов или о любой другой иностранной стране. Когда вопрос касался страны проживания, иммигранты во всех трёх странах были более склонны изменить собственные этические стандарты и следовать нормам страны пребывания ($\chi^2 = 40.283$, $p < 0.001$). Однако когда вопрос становился более личным и касался ведения

бизнеса респондентами в другой стране, различий между группами не наблюдалось ($\chi^2 = 7.889$, $p = 0.162$). Более того, поддержка утверждения о том, что иностранный бизнесмен должен пойти на компромисс в отношении своих этических норм, была выше в случае, когда речь шла о текущей стране проживания, чем о любой другой стране.

Индекс неэтичных бизнес-убеждений и аккультурация деловой этики иммигрантов

Для общей оценки восприятия деловой этики различными группами был создан Индекс неэтичных бизнес-убеждений, основанный на 11 вышеупомянутых утверждениях (за исключением утверждения о соблюдении этических норм Израиля/Узбекистана/Казахстана при ведении бизнеса иностранной компанией в этих странах, поскольку оно показало низкую согласованность с другими пунктами). Индекс был шкалирован от 1 до 5. Внутренняя надёжность разработанного индекса оказалась хорошей (альфа Кронбаха = 0.752). Различия между группами представлены на графике 19.

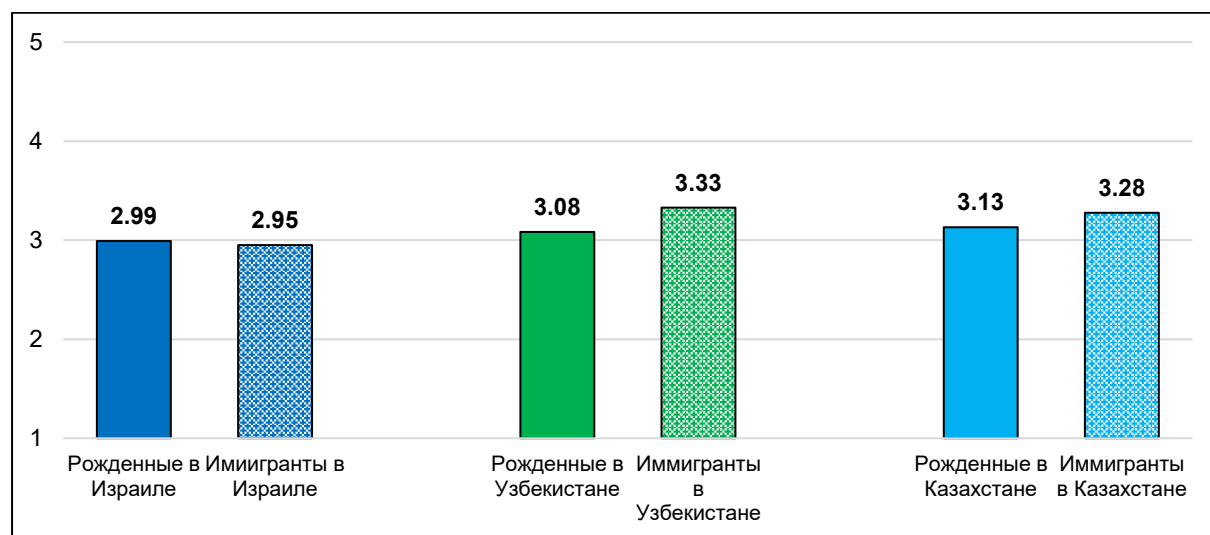

График 19. Индекс неэтичных бизнес-убеждений (шкала 1–5)

Исследование показало, что в Казахстане и Узбекистане иммигранты демонстрировали более высокий уровень неэтичных бизнес-убеждений по сравнению с коренным населением (среднее значение = 3.33 против 3.08 в Узбекистане и 3.28 против 3.13 в Казахстане). В Израиле уровень неэтичных бизнес-убеждений у иммигрантов (ср.

= 2.95) оказался сопоставим с показателем коренного населения (ср. = 2.99). Это может объясняться тем, что средний срок проживания иммигрантов в Израиле был дольше, чем в Узбекистане и Казахстане: 21.7 года в Израиле, 11.9 года в Узбекистане и 14.1 года в Казахстане. Продолжительность проживания в принимающей стране часто рассматривается как косвенный показатель уровня аккультурации иммигрантов. Следовательно, иммигранты в Израиле могут считаться более аккультурированными, чем иммигранты в Узбекистане и Казахстане. Это подтверждается также тем фактом, что иммигранты в Израиле декларируют более высокий уровень владения языком страны проживания (см. график 4), а также тем, что они чаще используют иврит дома, по сравнению с использованием местных языков иммигрантами в двух других странах (см. график 5).

Для того чтобы изучить, как со временем меняются неэтичные бизнес-убеждения иммигрантов, мы разделили их на три группы по продолжительности проживания в принимающей стране: менее 5 лет, от 6 до 20 лет и 21 год и более. Временные интервалы выбраны таким образом, чтобы в каждой группе было не менее 25 респондентов. Результаты представлены на графике 20.

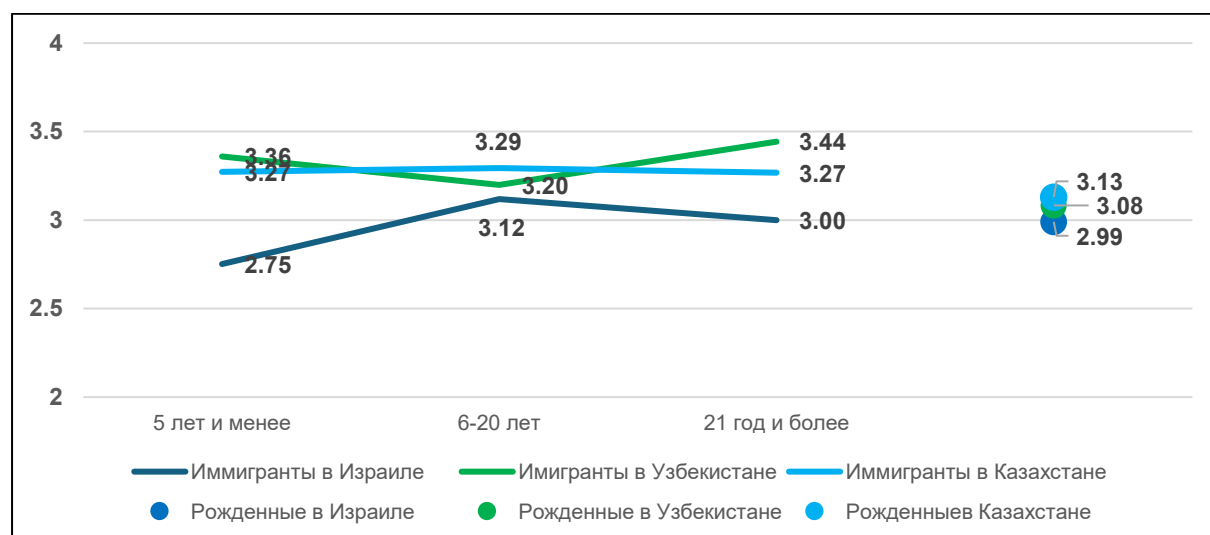

График 20. Индекс неэтичных бизнес-убеждений иммигрантов (шкала от 1 до 5) в зависимости от продолжительности проживания в принимающей стране

Индекс неэтичных бизнес-убеждений у новых иммигрантов в Израиле оказался ниже, чем у местного населения, то есть они проявляли большую этичность. Однако с

увеличением срока проживания в принимающей стране этот индекс приближается к уровню коренных жителей (ср. = 3.00 у иммигрантов, проживших в Израиле 21 год и более, и ср. = 2.99 у уроженцев Израиля). В Узбекистане наблюдается обратная тенденция: у недавно прибывших индекс неэтичных убеждений выше, чем у местного населения, а со временем проживания он становится ещё выше. В Казахстане уровень неэтичных бизнес-убеждений со временем практически не меняется и остаётся близким к показателю у уроженцев Казахстана.

В целом, полученные данные демонстрируют устойчивые транснациональные закономерности в восприятии деловой этики: иммигранты, по сравнению с местными жителями, в целом чаще одобряют этически сомнительное поведение менеджеров, такое как сокрытие информации, подрыв репутации конкурентов, перекладывание вины и присвоение чужих достижений. Во всех странах иммигранты также в большей степени связывают успех в бизнесе с необходимостью идти на компромиссы в этических вопросах, ставят корпоративные интересы выше национальных и приравнивают законность к этичности, особенно в Узбекистане и Казахстане. Тем не менее, Израиль выделяется на фоне остальных двух стран: восприятие этики среди приехавших там более схоже с мнением коренного населения. Это может быть связано с более высоким уровнем аккультурации — более длительным сроком проживания и лучшим знанием языка. Интересно, что этические убеждения зависят не только от принадлежности к определённой группе, но и от контекста: иммигранты охотнее принимают этические нормы принимающей страны, когда речь идёт о деятельности иностранного бизнеса на их текущей территории проживания. Однако эта готовность снижается, если им предложить представить себя ведущими бизнес за границей. Наконец, составной индекс неэтичных бизнес-убеждений подтверждает эти тенденции: иммигранты в Узбекистане и Казахстане сообщают о более высокой склонности к неэтичному поведению, чем местное население, тогда как в Израиле восприятие деловой этики уравнивается со временем. Это указывает на ключевую роль продолжительности проживания в формировании этических взглядов.

Уклонение от налогов: местное население vs. иммигранты

Для оценки легитимации уклонения от уплаты налогов мы попросили респондентов выразить степень согласия с рядом утверждений, отражающих различные аспекты

восприятия уплаты или уклонения от налогов, без указания конкретной страны. Все утверждения оценивались по шкале от «1» (полностью не согласен) до «5» (полностью согласен). Следующие графики демонстрируют различия между странами и группами (иммигранты vs. местное население). В представленных ниже графиках (графики 21–29) формулировки вопросов подразумевают, что чем выше степень согласия респондента с утверждением, тем более вероятно, что он склонен оправдывать уклонение от уплаты налогов.

Иммигранты в Израиле и Узбекистане проявили большую терпимость и понимание по отношению к уклоняющимся от уплаты налогов по сравнению с коренными жителями и иммигрантами в Казахстане ($F = 14.433$, $p < 0.001$; см. график 21).

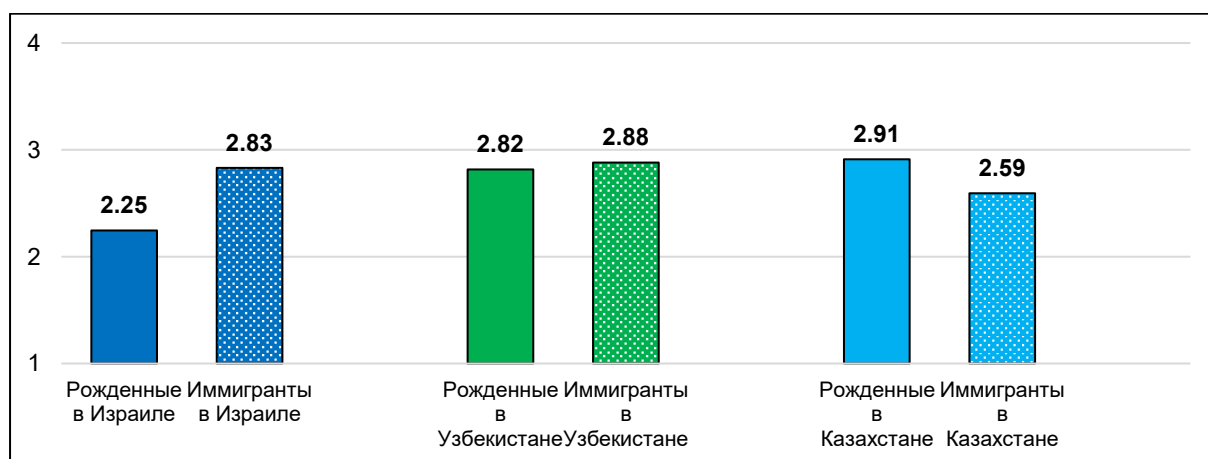

График 21. Степень согласия с утверждением: «Я понимаю и принимаю причины, по которым люди уклоняются от уплаты налогов» (среднее значение, шкала 1–5)

Следующие вопросы касались легитимации уклонения от уплаты налогов (см. графики 22, 23 и 24). График 22 представляет результаты по более общему утверждению: «Уклонение от уплаты налогов может быть оправдано, если есть такая возможность», график 23 — по более личному утверждению: «Я бы уклонился от уплаты налогов, если бы у меня была возможность», а график 24 демонстрирует ответы на утверждение, связанное с периодами кризиса: «Во времена кризиса допустимо уклоняться от уплаты налогов». Исследование показало, что во всех странах, особенно в Казахстане, иммигранты демонстрируют более высокий уровень легитимации и готовности уклоняться от налогов по сравнению с местным населением. На графике 22 видно, что иммигранты склонны легче оправдывать уклонение от уплаты налогов при наличии

такой возможности; наибольший разрыв между двумя группами зафиксирован в Израиле ($F = 27.120$, $p < 0.01$), тогда как в Казахстане они демонстрируют схожий и высокий уровень согласия с утверждением. График 23 показывает, что при прямом вопросе о личной готовности уклониться от уплаты налогов при наличии возможности, иммигранты снова демонстрируют более высокие показатели, чем коренные жители, и наибольшее различие снова отмечено в Израиле ($F = 20.497$, $p < 0.01$). Наконец, график 24 показывает, что в периоды кризиса иммигранты во всех странах чаще, чем местные жители, считают уклонение от налогов допустимым, при этом самый высокий уровень согласия зафиксирован в Узбекистане и Казахстане ($F = 43.930$, $p < 0.01$).

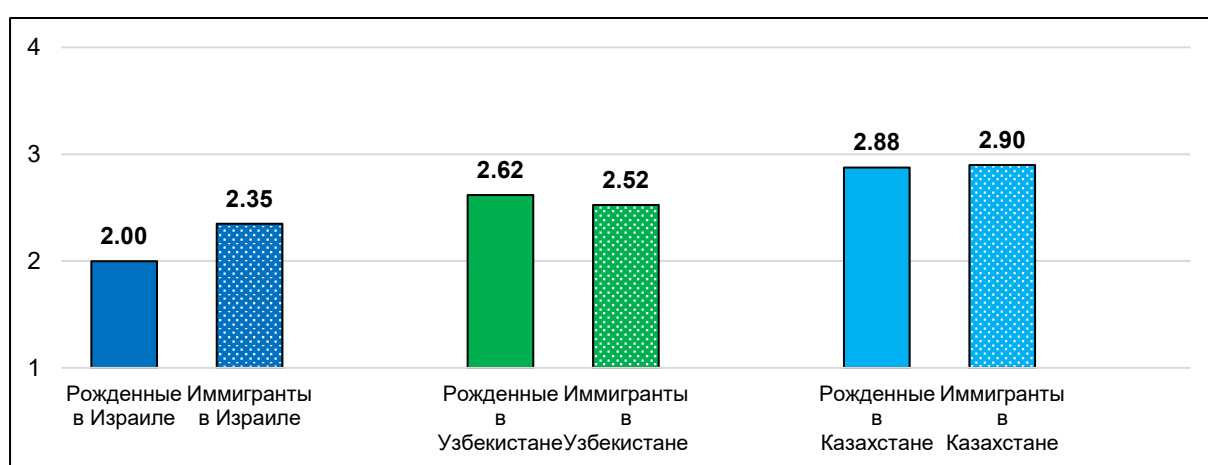

График 22. Степень согласия с утверждением: «Обман при уплате налогов может быть оправдан, если представляется такая возможность» (среднее значение, шкала 1–5)

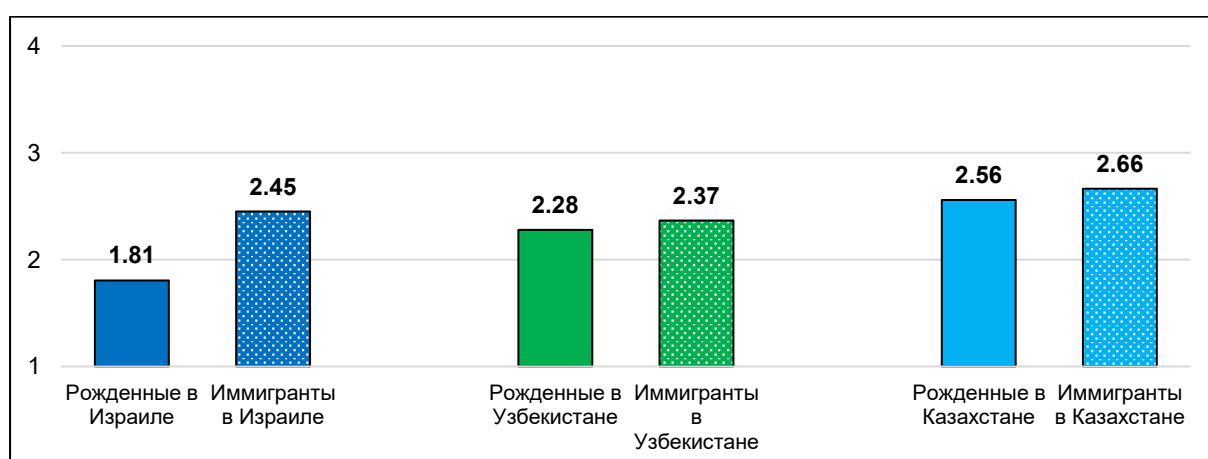

График 23. Степень согласия с утверждением: «Я бы уклонялся от уплаты налогов, если бы у меня была такая возможность» (среднее значение, шкала 1–5)

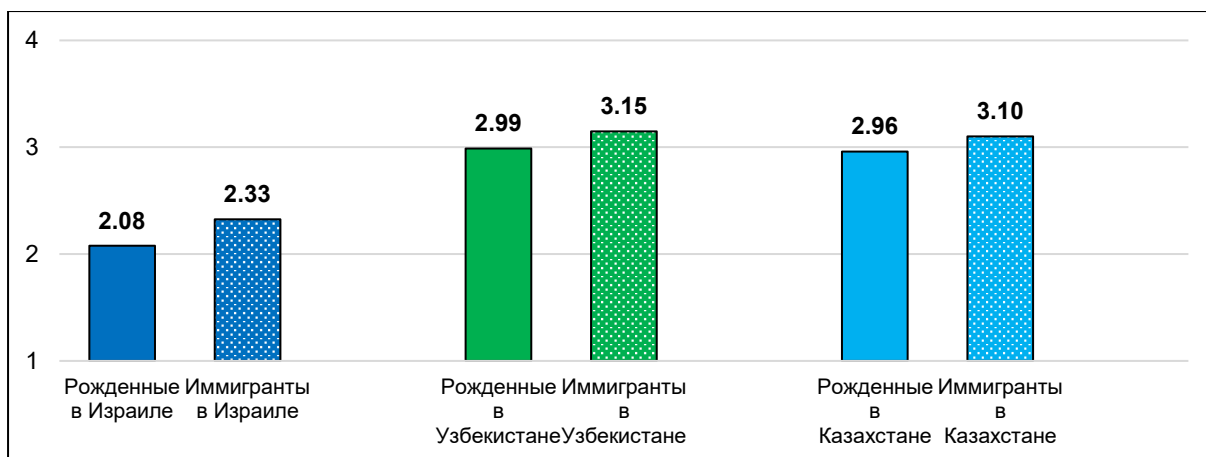

График 24. Степень согласия с утверждением: «В периоды кризиса допустимо уклоняться от уплаты налогов» (среднее значение, шкала 1–5)

Иммигранты в Израиле в большей степени, чем коренное население, готовы легитимировать уклонение от уплаты налогов и считать, что такое поведение может быть присуще даже законопослушным гражданам ($F = 17.287$, $p < 0.001$; см. график 25). В Узбекистане и Казахстане иммигранты оказались менее склонны разделять такую точку зрения.

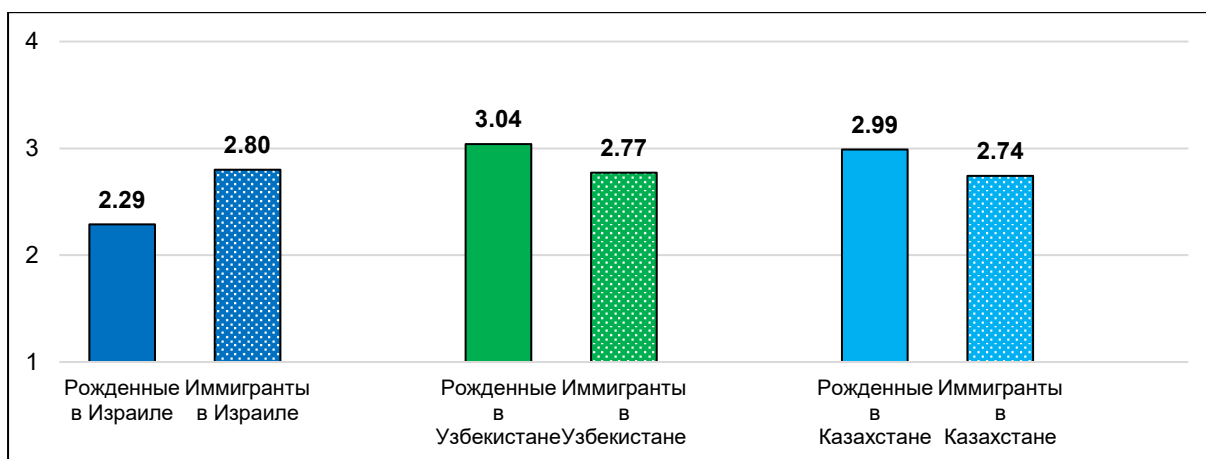

График 25. Степень согласия с утверждением: «Даже законопослушные люди уклоняются от уплаты налогов» (среднее значение, шкала 1–5)

Следующие два вопроса были направлены на понимание причин уклонения от уплаты налогов: рассматривается ли оно как вынужденная мера или как сознательный выбор налогоплательщиков. График 26 показывает, что во всех странах уклонение от налогов в большей степени интерпретировалось как осознанное решение, а не как

поведение, оправданное обстоятельствами: все средние значения оказались ниже 3 по шкале от 1 до 5. Тем не менее между группами наблюдаются различия ($F = 9.941$, $p < 0.01$): иммигранты в меньшей степени соглашались с тем, что уклонение от налогов является следствием отсутствия выбора.

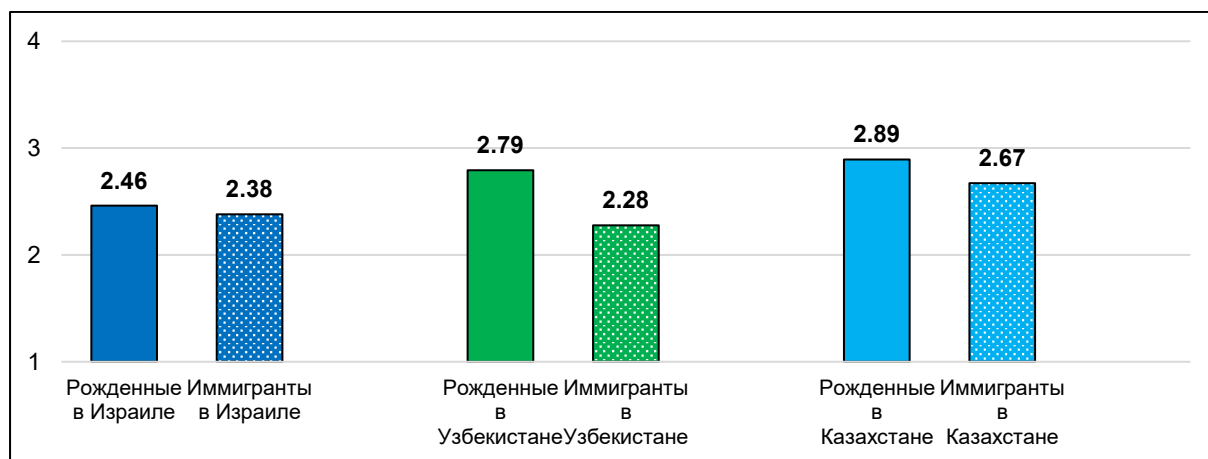

График 26. Степень согласия с утверждением: «Уклонение от уплаты налогов является результатом отсутствия выбора» (среднее значение, шкала 1–5)

Относительно уклонения от уплаты налогов среди самозанятых предпринимателей (см. график 27), иммигранты в Узбекистане в меньшей степени, чем местные жители, считают, что самозанятые могут обанкротиться из-за добросовестной уплаты налогов ($F = 8.199$, $p < 0.001$). В то время как в Израиле и Казахстане значимых различий между двумя группами не выявлено.

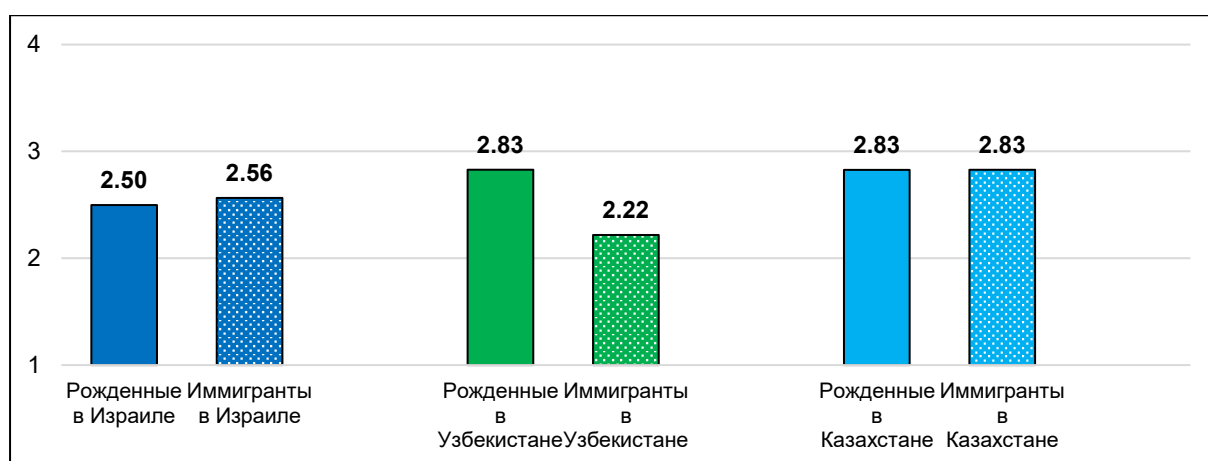

График 27. Степень согласия с утверждением: «Самозанятые обанкротились бы, если бы не уклонялись от уплаты налогов» (среднее значение, шкала 1–5)

Во всех странах, особенно в Израиле, местные жители менее удовлетворены качеством государственных услуг, получаемых в обмен на уплату налогов ($F = 44.941$, $p < 0.01$; см. график 28). Одним из возможных объяснений может служить то, что у них выше ожидания в отношении предоставления государственных благ. Поскольку предыдущие данные показали, что местные жители в меньшей степени склонны легитимировать уклонение от налогов, напрашивается вывод, что неудовлетворённость выполнением государством своих обязательств не ведёт автоматически к оправданию налогового уклонения.

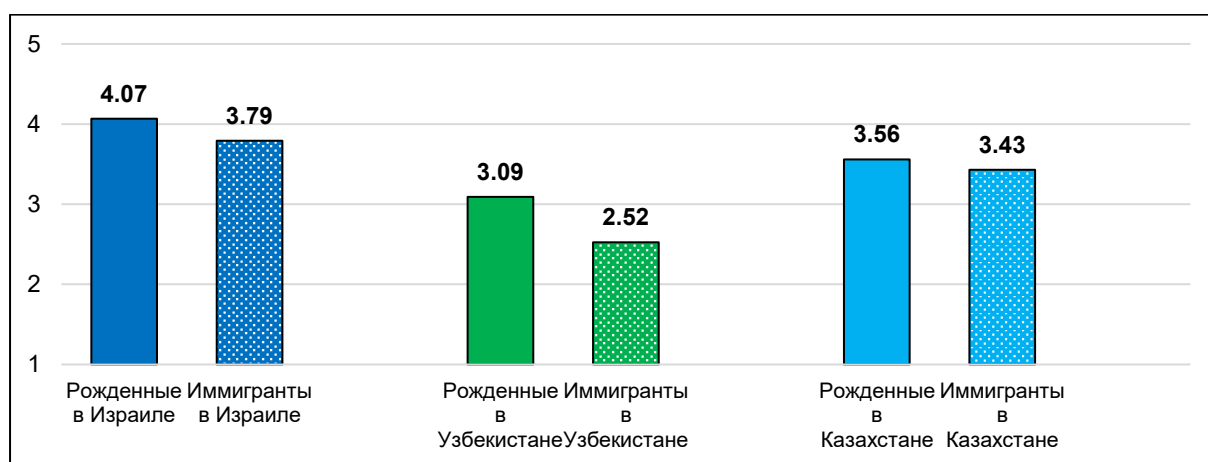

График 28. Степень согласия с утверждением: «Я считаю, что плачу высокий налог по сравнению с тем, что государство предоставляет мне взамен» (среднее значение, шкала 1–5)

Следующий блок вопросов направлен, во-первых, на изучение того, как респонденты воспринимают проблему уклонения от уплаты налогов в своей стране, и во-вторых, на выявление их отношения к возможным негативным социальным последствиям. В отличие от предыдущего набора вопросов, более высокие оценки в данном случае свидетельствуют о большей склонности к этичному поведению.

Во всех трёх странах иммигранты чаще, чем местные жители, рассматривают уклонение от уплаты налогов как серьёзную общенациональную проблему ($F = 12.084$, $p < 0.001$; см. график 29). Однако они в меньшей степени склонны оценивать финансовые потери государства от налогового уклонения на том же уровне, что и местное население ($F = 29.256$, $p < 0.001$; см. график 30), а также реже воспринимают уплату налогов как базовую гражданскую обязанность ($F = 29.480$, $p < 0.001$; см. график 31). Последнее различие особенно выражено в Израиле и Узбекистане, где местные уроженцы, как

правило, в большей степени связывают неуплату налогов с негативными социальными последствиями.

Таким образом, иммигранты последовательно оценивают серьёзность проблемы уклонения от налогов выше, чем местные жители, но, что парадоксально, реже считают уплату налогов личной гражданской обязанностью. Это может свидетельствовать о том, что признание проблемы не обязательно сопровождается ощущением личной ответственности за её решение путём соблюдения налоговых обязательств.

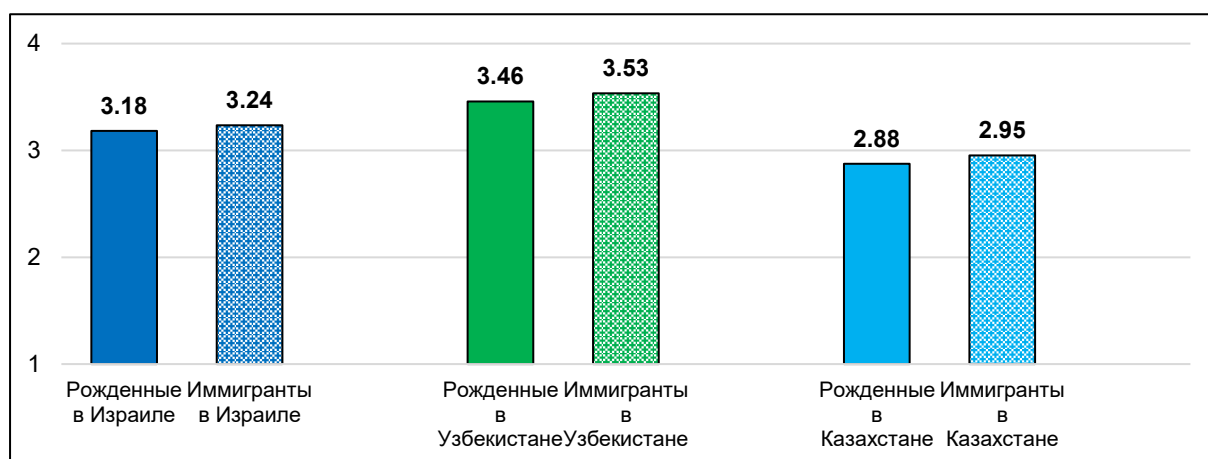

График 29. Степень согласия с утверждением: «Среди проблем, с которыми сталкивается правительство, уклонение от уплаты налогов является очень серьёзной» (среднее значение, шкала 1–5)

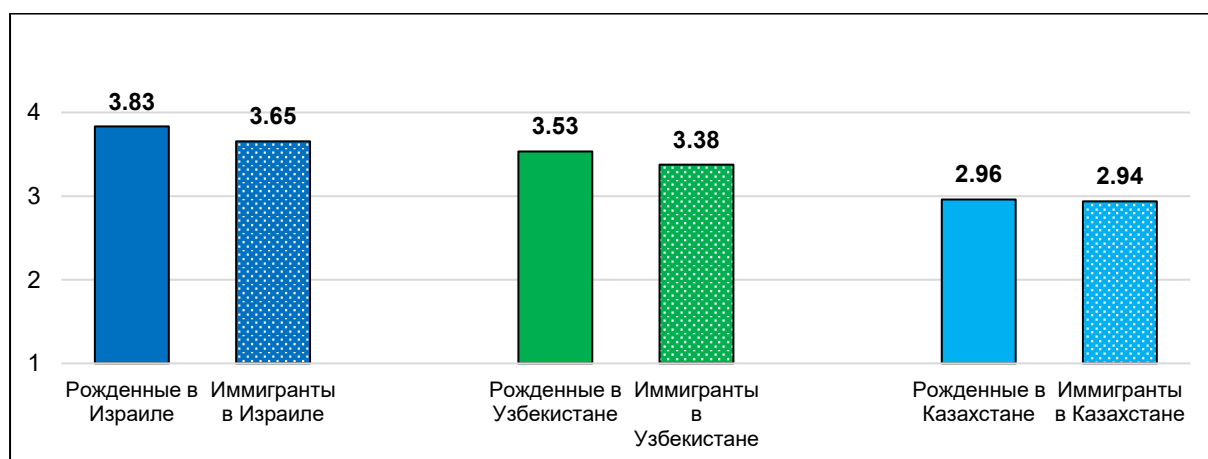

График 30. Степень согласия с утверждением: «Правительство теряет миллиарды из-за уклонения от уплаты налогов» (среднее значение, шкала 1–5)

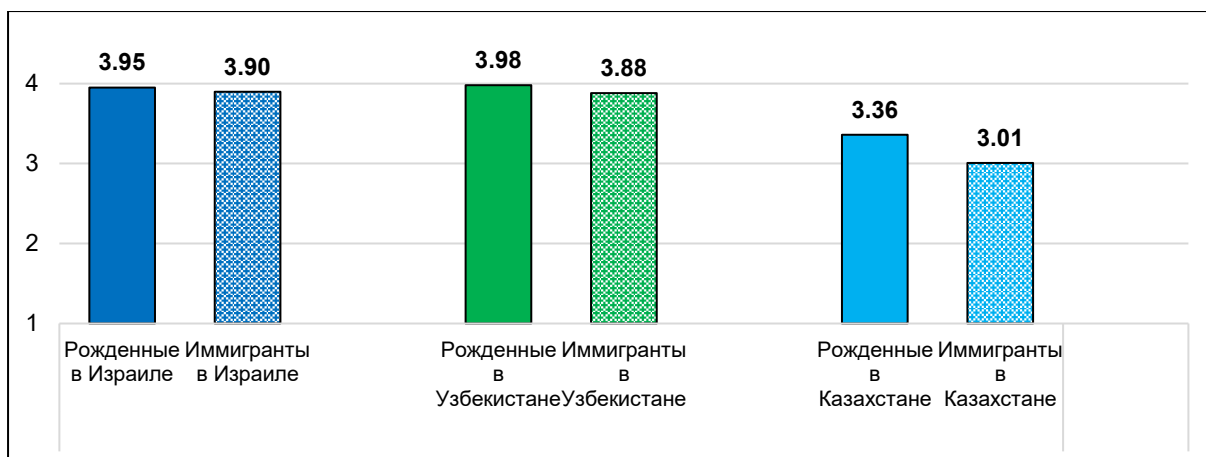

График 31. Степень согласия с утверждением: «Уплата налогов является одной из основных обязанностей гражданина» (среднее значение, шкала 1–5)

Следующие три графика (32, 33 и 34) иллюстрируют, как местные жители и иммигранты воспринимают общественную угрозу, связанную с уклонением от уплаты налогов, и их готовность рассматривать уклоняющихся от налогов как преступников. Прослеживается общая тенденция: в Израиле как местные уроженцы, так и приехавшие декларируют наименьшую степень одобрения по отношению к уклоняющимся от налогов по сравнению с респондентами из Узбекистана, в то время как в самом Узбекистане уровень осуждения выше, чем в Казахстане.

В Израиле и Узбекистане местное население чаще, чем иммигранты, считает, что уклоняющиеся от уплаты налогов «крадут у других граждан» (3.90 против 3.74 в Израиле; 3.41 против 3.32 в Узбекистане; $F = 29.176$, $p < 0.001$), а также наносят вред всем жителям страны (3.97 против 3.70 в Израиле; 3.63 против 3.45 в Узбекистане; $F = 28.714$, $p < 0.001$). Это свидетельствует о том, что местные жители в этих странах чаще воспринимают уклонение от уплаты налогов и как коллективный ущерб с моральной точки зрения, тогда как иммигранты занимают несколько более мягкую позицию.

И местные, и иммигранты в Израиле и Казахстане, как правило, в равной степени считали, что уклоняющихся от уплаты налогов следует рассматривать как преступников (3.92 против 3.92 в Израиле, 3.11 против 3.08 в Казахстане). Единственное различие было зафиксировано в Узбекистане — 3.63 у иммигрантов против 3.47 у коренных жителей.

В Казахстане не было выявлено различий между иммигрантами и местным населением в восприятии уклоняющихся от уплаты налогов как угрозы общественной безопасности; ответы обеих групп в этой стране были весьма схожими (см. рисунки 33, 34 и 35).

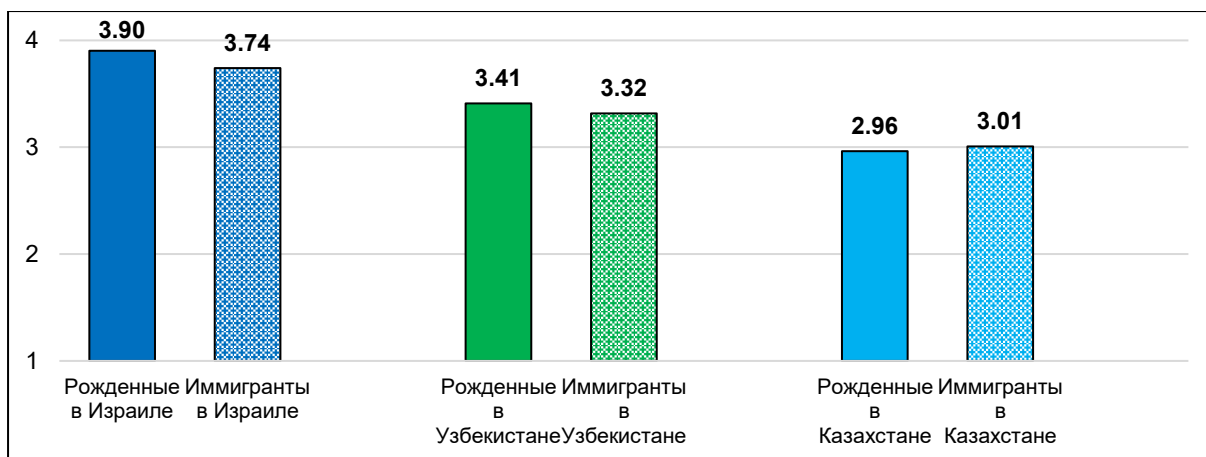

График 33. Степень согласия с утверждением: «Те, кто уклоняется от уплаты налогов, крадут у других граждан страны» (среднее значение, шкала 1–5)

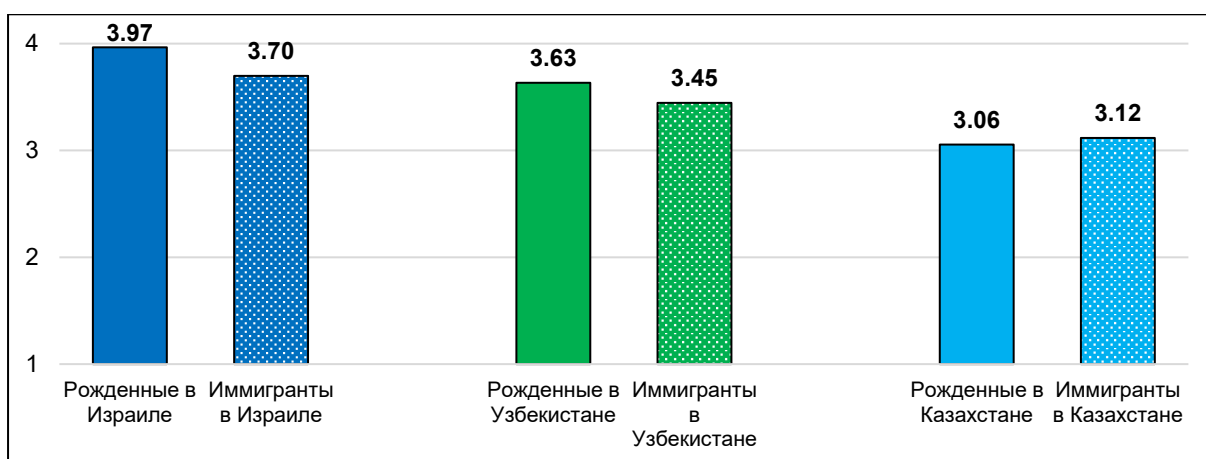

График 34. Степень согласия с утверждением: «Нарушители налоговой дисциплины наносят ущерб всем нам» (среднее значение, шкала 1–5)

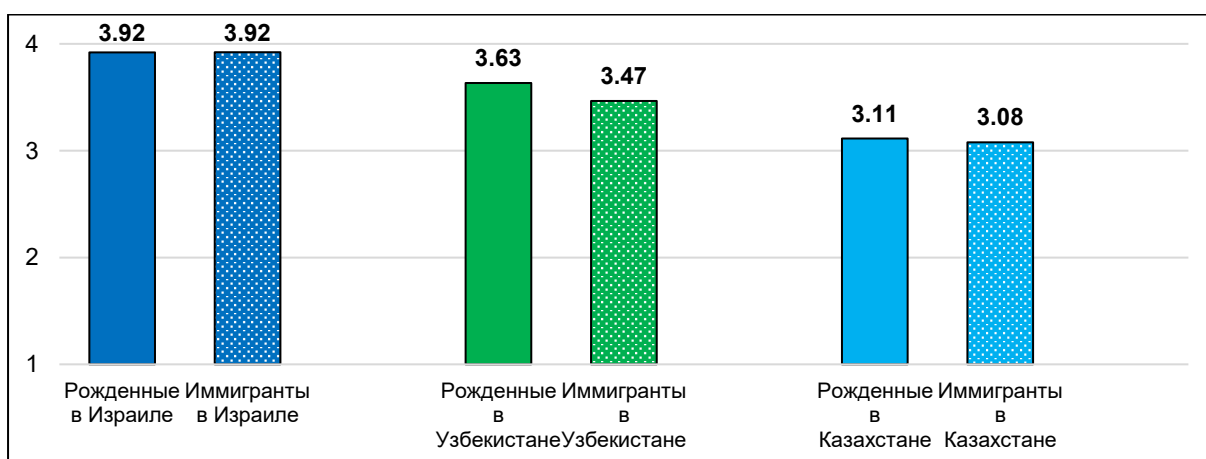

График 35. Степень согласия с утверждением: «Каждый, кто уклоняется от уплаты налогов, является преступником» (среднее значение, шкала 1–5)

В целом, из 14 проанализированных утверждений иммигранты продемонстрировали более высокую этическую направленность в трёх случаях, тогда как местное население — во всех остальных. Такое распределение указывает на то, что в целом местные жители чаще придерживались установок, ориентированных на соблюдение налогового законодательства, хотя по отдельным вопросам именно иммигранты занимали более жёсткую и принципиальную позицию.

В тех случаях, когда иммигранты декларировали более высокие показатели этичности, прослеживается устойчивая межстрановая закономерность: во всех трёх странах они чаще воспринимали уклонение от уплаты налогов как серьёзную проблему и отвергали представление о его неизбежности, что указывает на моральную интерпретацию налоговой дисциплины, выходящую за рамки конкретного национального контекста. В Узбекистане и Казахстане иммигранты также в большей степени отвергали рационализации сокрытия доходов или уклонения от налогов, даже когда такие действия пытались оправдать восприятием несправедливости. Эти тенденции могут отражать культурные нормы стран происхождения, где формальные правила рассматриваются как неотъемлемая часть общественного порядка — особенно в условиях жизни за рубежом.

В тех случаях, когда респонденты местных уроженцев, демонстрировали более высокую этическую позицию, во всех трёх странах она проявлялась преимущественно в утверждениях, где уклонение от налогов рассматривалось как нарушение гражданского долга или угроза для государственных финансов, а также в отказе признавать его допустимость в условиях кризиса или при наличии благоприятной возможности. В Израиле и Узбекистане местные жители чаще описывали уклонение от уплаты налогов как форму кражи у сограждан и трактовали его в морально-криминальных категориях. В Израиле и Казахстане они чаще отвергали идею о том, что обман налоговой системы может быть оправдан, если предоставляется такая возможность, тогда как в Узбекистане и Казахстане они чаще соглашались с тем, что уклоняющиеся от уплаты налогов являются «преступниками».

Потребление новостей о коррупции

Последний блок вопросов был посвящён тому, из каких медийных источников респонденты получают информацию о коррупции. Во всех группах основным

источником являются новостные сайты и онлайн-издания (средние значения около 5–6 по шкале от 1 до 8), при этом форумы, блоги и социальные сети также занимают высокие позиции — особенно в Узбекистане (см. график 36). Телевидение остаётся значимым каналом для респондентов, родившихся в Израиле и Узбекистане (средние значения около 4.9 и 4.8 соответственно), тогда как иммигранты в Израиле сообщают о значительно меньшем уровне потребления телевизионного контента (3.47). Пресса повсеместно занимает наименьшую долю среди источников информации (порядка 3.3–4.3).

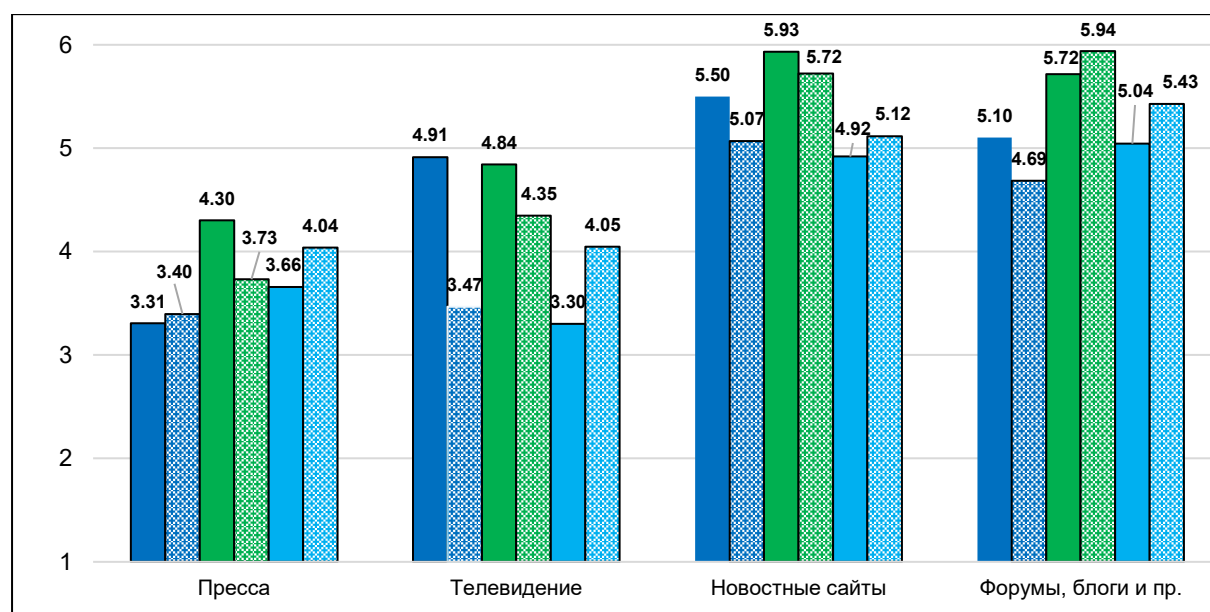

График 36. Частотность, с которой респонденты сталкиваются с медиа-контентом о коррупционных уголовных делах, злоупотреблении общественным доверием, незаконной предпринимательской деятельности и т. д. в различных источниках (шкала от 1 = «никогда» до 7 = «ежедневно»)

Что касается языка новостного контента (см. график 37), то русский язык доминирует среди иммигрантов в Казахстане (71,1%) и также является наиболее распространённым языком новостей в Узбекистане (45,5%). В Израиле большинство потребляет новости на иврите (59,2%), при этом значительное меньшинство использует русский (32,5%). В Узбекистане и Казахстане узбекский язык занимает второе место по популярности как язык новостей (37,6% и 18,8% соответственно), тогда как доля других языков незначительна.

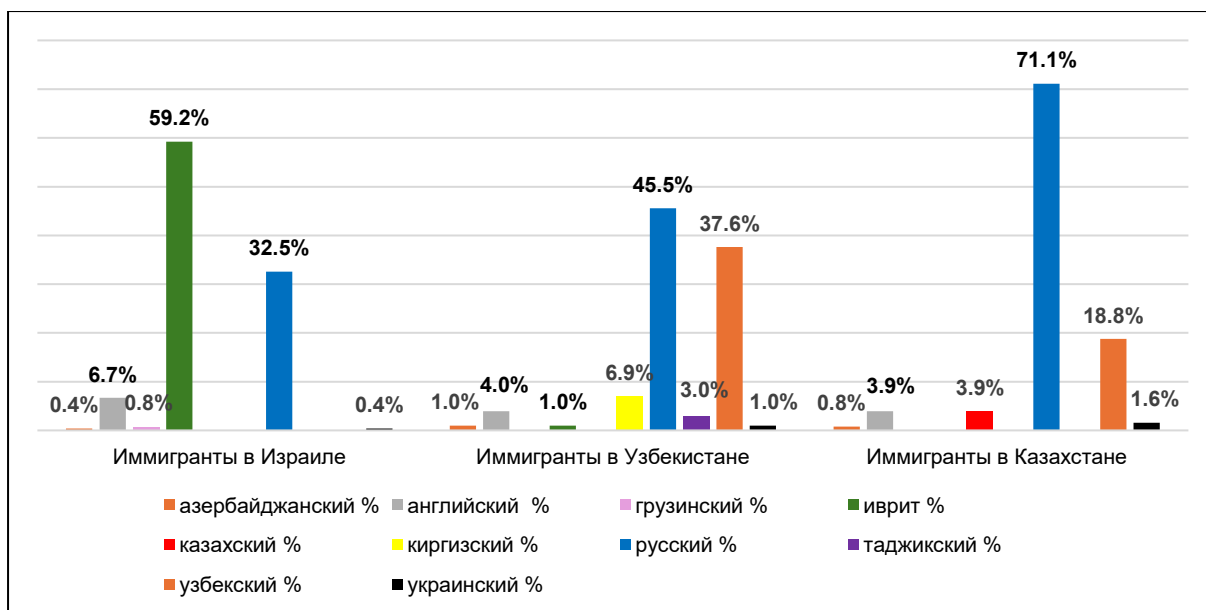

График 37. Процент респондентов, указавших использование определённого языка для чтения новостей («На каком языке вы читаете новости?»)

Заключение

Данное межкультурное исследование проливает свет на особенности деловой этики и процессы аккультурации иммигрантов из стран бывшего Советского Союза, проживающих в Израиле, Казахстане и Узбекистане. Основываясь на данных, собранных у более чем 1300 респондентов, авторы выявили устойчивую тенденцию: выходцы из постсоветских стран чаще склонны принимать этически сомнительные деловые практики и связывают успех в бизнесе с необходимостью идти на компромиссы в вопросах морали.

Результаты исследования показывают, что в целом иммигранты в Израиле, Казахстане и Узбекистане чаще, чем местные уроженцы, связывают успех в бизнесе с этически сомнительными практиками — такими как сокрытие информации, перекладывание ответственности на других, присвоение чужих заслуг и подрыв репутации конкурентов. Эта тенденция особенно ярко выражена в Узбекистане и Казахстане, где иммигранты демонстрируют значительно более высокую готовность оправдывать компромиссы с этическими нормами. В Израиле же различия между иммигрантами и местным населением были минимальными, что можно объяснить более высоким уровнем интеграции, длительным сроком проживания и владением языком.

Мы разработали Индекс неэтичных бизнес-убеждений, который подтвердил ключевую взаимосвязь между продолжительностью проживания в принимающей стране и восприятием деловой этики. Как длительность пребывания, так и процессы аккультурации играют значимую роль в формировании представлений об этике в бизнесе, однако направление этой динамики зависит от конкретного социального и институционального контекста страны проживания. Эти установки, тем не менее, варьируются в зависимости от страны и со временем изменяются. В Израиле наблюдается отчетливая тенденция этической конвергенции с местным населением по мере увеличения срока проживания, что подчеркивает значимость аккультурации. В то же время в Казахстане и Узбекистане иммигранты продолжают демонстрировать более высокий уровень неэтичных бизнес-убеждений.

Помимо различий в восприятии деловой этики, данные по уклонению от уплаты налогов показывают, что иммигранты во всех трех странах последовательно демонстрируют более высокую терпимость к таковым нарушениям по сравнению с

местным населением. Это проявляется в большей склонности оправдывать уклонение от уплаты налогов в периоды кризиса, при наличии благоприятных возможностей или в условиях экономических трудностей. Иммигранты реже воспринимают уплату налогов как гражданский долг. В то же время респонденты из числа коренных жителей чаще рассматривают уклонение от налогов как морально предосудительное явление, связывают его с коллективным ущербом и склонны классифицировать нарушителей как преступников.

Таким образом, и иммигранты, и коренное население признают существование проблемы, однако интерпретируют её по-разному — через призму личной гражданской ответственности или как практическую адаптацию к обстоятельствам. Местные уроженцы чаще демонстрируют ориентацию на соблюдение налоговой дисциплины и морально-правовую оценку уклонения от налогов, тогда как иммигранты склонны занимать более прагматичную позицию. Особенно отчетливо это проявляется в Узбекистане и Казахстане, где, несмотря на готовность иммигрантов критически оценивать рационализации сокрытия доходов, они реже приравнивают уклонение от налогов к воровству или преступлению.

Медиа-потребление формирует рамку восприятия коррупции и может как усиливать, так и ослаблять готовность оправдывать неэтичные практики: в странах, где среди иммигрантов доминирует потребление русскоязычного контента (Казахстан и Узбекистан), сохраняется более высокая терпимость к компромиссам в вопросах деловой этики и уклонения от уплаты налогов. В Израиле же, где значительная часть иммигрантов потребляет новости на иврите и проживает в стране длительное время, наблюдается сближение этических установок с коренным населением, что подтверждает роль культурной и информационной интеграции в снижении уровня «неэтичных убеждений».

Список литературы

1. Ahmed, M. M., Chung, K. Y., & Eichenseher, J. W. (2003). Business students' perception of ethics and moral judgment: A cross-cultural Study. *Journal of Business Ethics*, 43(1–2), 89–102.
2. Belk, R. W., Devinney, T., & Eckhardt, G. (2005). Consumer ethics across culture. *Consumption Markets and Culture*, 8(3), 275–289.

3. Berry, J. W. (2003). Conceptual approaches to acculturation. In K. M. Chun, P. B. Organista, & G. Marin (Eds.), *Acculturation: Advances in theory, measurement, and applied research* (pp. 17–37). Washington: American Psychological Association.
4. Christie, P. M. J., Kwon, I. W. G., Stoeberl, P. A., & Baumhart, R. (2003). A cross-cultural comparison of ethical attitudes of business managers: India Korea and the United States. *Journal of Business Ethics*, 46(3), 263–287.
5. Donaldson, T., & Dunfee, T. W. (1994). Towards a unified conceptions of business ethics: Integrative social contracts theory. *Academy of Management Review*, 19(2), 252–284.
6. Jaffe, E. D., Kushnirovich, N., & Tsimerman, A. (2018). The impact of acculturation on immigrants' business ethics attitudes. *Journal of Business Ethics*, 147, 821–834.
7. Koptleuova, K., Karagulova, B., Zhumakhanova, A., Kondybay, K., & Salikhova, A. (2023). Multilingualism and the Current Language Situation in the Republic of Kazakhstan. *International Journal of Society, Culture & Language*, 1–16.
8. Leshem, E., & Ne'eman-Haviv, V. (2013). Perception of white-collar crime among immigrants from the Former Soviet Union in Israel. *Crime, Law Social Change*, 59(5), 555–576.
9. Lee, Kam-Hon. (1981). Ethical beliefs in marketing management: A cross-cultural study. *European Journal of Marketing*, 15(1), 58–67.
10. Lim, C. S. (2001). Tendency to infer bribery and corrupt intent in social and business situations: Comparing Chinese and Singaporean employees. *Teaching Business Ethics*, 5(4), 439–460.
11. Ministry of Aliyah and Integration of Israel, 2023. https://www.gov.il/he/departments/publications/reports/aliyah_2023
12. Phau, I., & Kea, G. (2007). Attitudes of university students toward business ethics: A cross-national investigation of Australia, Singapore and Hong Kong. *Journal of Business Ethics*, 72(1), 61–75.
13. Statistics Agency of Uzbekistan (2023). https://stat.uz/img/demografiya-press-reliz-26_01_2024-rus.pdf.